

ОПУБЛИКОВАНО НА НАШЕМ САЙТЕ: 20 ЯНВАРЯ

Первым российским судьей Европейского Суда по правам человека
Владимиру Александровичу Туманову и Анатолию Ивановичу Ковлеру
Посвящается.

**КАК
ИЗБЕЖАТЬ
ПЫТКИ**

Автор-составитель Петр БАРЕНБОЙМ

Применение психологических знаний для защиты и самоз

При участии Комиссии по правам человека Международного Союза
(Содружества) адвокатов

Автор-составитель: Петр Баренбойм

**Как избежать пытки. Применение психологических знаний для
защиты и самозащиты граждан.**

Автор-составитель благодарен следователю О.А. Ковлеру за ценные замечания.

БАРЕНБОЙМ Петр Давидович

Адвокат Московской городской коллегии адвокатов, кандидат юридических наук

КАК ИЗБЕЖАТЬ ПЫТКИ

ПРИМЕНЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАН

Peter BARENBOIM,

**HOW TO AVOID PSYCHOLOGICAL TORTURES. HUMAN RIGHTS FOR
ARESTED PEOPLE**

This brochure made by well-known Moscow Lawyer Peter Barenboim. He is the Vice President and the Chairman of Section on Business Law of the Union (Commonwealth) of Advocates. This Union joined together about 20 thousand Lawyers mostly from the Russian Federation. Dr. Barenboim is also the member of the Commission on Human Rights of the Union. He is the author of textbook «Legal Basis of Bankruptcy», book «3000 Years of Doctrine of Separation of Powers. Souler Court» and about 100 articles. He is the member of the Council of the International Bar Association joined 2,5 million lawyers from 183 countries.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Применение психологических знаний для защиты прав человека

Применение психологических знаний по автотранспортным делам

Декларация прав и свобод человека и гражданина (извлечение)

Принята Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г.

Международный пакт о гражданских и политических правах (И з в л е ч е н и е)

Факультативный протокол

Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или

унижающих достоинство видов обращения и наказания (И з в л е ч е н и е)

Принята 10 декабря 1984 г.

Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка

Принят Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 г.

Послесловие. Г.В. Воскресенский.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Психологическое давление на допросе обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, даже порой потерпевшего является причиной значительно большего числа следственных и судебных ошибок, чем это принято считать. Более того, мало кто даже среди юристов-профессионалов знает, что во многих случаях психологическое давление является одной из форм пытки, поскольку «означает умышленное причинение нравственного страдания для получения сведения или признания», как это сформулировано в «Конвенции против пыток», принятой ООН в 1984 году.

Имеется и другой также обязательный для России международно-правовой документ. «Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка», принятый ООН 17 декабря 1979 года, где говорится о «гуманном осуществлении функций по поддержанию правопорядка», когда эффективно поддерживаются этические нормы должностных лиц, требуется их полный самоконтроль при осуществлении правоохранительных функций, с тем, чтобы понимание необходимости гуманного подхода стало «кредо каждого должностного лица по поддержанию правопорядка».

Кое-кто из многоопытных читателей только улыбается, читая эти строки. Мол где все эти благие пожелания, а где реальная жизнь? Тем не менее, автор-составитель этой брошюры относит себя к российским оптимистам (которые, как сказано в известной шутке, считают, что ситуация с законностью может быть еще хуже, чем сейчас в отличие от пессимистов, считающих что хуже некуда), а поэтому предлагает не только адвокатам, но и всей общественности, и отдельным гражданам повысить уровень своих психологических знаний, чтобы остановить психологические пытки.

При этом не следует создавать образ недруга из следователя, производящего допрос, поскольку его запас психологических знаний, как правило, также либо невысок, либо односторонен. Можно надеяться, что эта брошюра будет полезна следователям, прокурорам и судьям.

В этом издании проведена редакторская работа по популяризации текста, с тем чтобы не только юристы-профессионалы, но и рядовые граждане смогли использовать эти знания для своей самозащиты. Никто не застрахован от задержания, а тем более от допроса у следователя, поэтому понимание психологической стороны этих событий должно быть достоянием каждого гражданина. Автору-составителю рассказывали, что видели в кабинетах некоторых следователей плакат с надписью:

«То, что Вы не судимы, - это не Ваша заслуга, а наша недоработка». С плакатом или без обвинительный уклон продолжает доминировать на следствии. Его нужно изживать усилиями не только следователей, прокуроров, судей, адвокатов, но и всех граждан страны. Самозащита граждан при попытках психологического давления на них может стать важной частью общей борьбы за усиление законности и установление правового государства в России.

Вопрос о пытке, как физическом и насилии над задержанным со стороны представителей власти имеет во всем мире давнюю, а в России ещесовсем недавнюю историческую традицию. Никто об этом лучше Максимилиана Волошина не сказал:

*Что менялось. Знаки и возглавья.
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах — дурь самодержавья,
Взрывы революции в царях...
Спертый дух и одичалый мозг.
Сотни лет тупых и зверских пыток, —
И еще не весь развернут свиток,
И не замкнут список палачей,
Бред разведок, ужас Чрезвычайек
Ни Москва, ни Астрахань, ни Яик
Не видали времени горчей.*

РУБОПовец, «аккуратно» (то есть без следов на теле) избивающий задержанного, спецназовец, дубинкой по почкам ровняющий ряды рыночников «кавказской национальности», являются продолжателями крайне трудно изживаемой традиции многовекового беспредела в отношении задержанного властью лица.

Только активная общественная позиция населения во главе с грамотными и принципиальными адвокатами, как корпорации профессиональных защитников, могут стать на пути извечного произвола и дать возможность России войти в третье тысячелетие более цивилизованной, чем до сих пор.

Серьезной победой в борьбе за законность в уголовном процессе стало решение Конституционного Суда РФ в июле 2000 года в соответствии с которым право пользоваться помощью адвоката во время допроса имеет и свидетель по уголовному делу. За годы своего недолгого существования Конституционный Суд более 20 раз рассматривал несоответствие Основному Закону положения устаревшего Уголовно-процессуального Кодекса России и признал многие его статьи неконституционными. Сейчас группа экономистов, получившая доступ к составлению Программы возрождения России на ближайшие десять лет, преподнесла идею объединения всех судов в единую вертикальную систему. В связи с этим хотелось бы отметить, что такое объединение судов неизбежно нанесет серьезный удар по конституционному правосудию и, в итоге, отбросит конституционное развитие прав и свобод человека в России на несколько десятилетий назад.

В «Стандартах независимости юридической профессии», которые были приняты Международной ассоциацией юристов (International Bar Association), объединяющей 2,5 млн юристов из 183 стран, четко сказано, что «профессиональные ассоциации юристов играют жизненно важную роль в поддержании профессиональных стандартов и этических норм». Знание и борьба за общечеловеческие моральные ценности являются составляющей профессионализма защитника по уголовным делам, в то время как отсутствие нравственного компонента свидетельствует о низком уровне профессионализма адвоката, независимо от его умения разработать позицию, написать ходатайство или произнести судебную речь.

Адвокатура является профессиональной корпорацией, которая не только может, но и должна, и обязана каждодневно и вмешиваться в вопросы практического осуществления гарантий прав человека. Каждая ассоциация адвокатов в любой цивилизованной стране мира не просто формально имеет в своей структуре подразделения по правам человека, но активно влияет на законодательство, регламентирующее права личности, и на практику применения этого законодательства. При этом учитывается, что при отсутствии независимого правового статуса защитника и гарантий такой независимости, а также достаточного объема прав адвоката все конституционные записи о правах личности остаются чисто декларативными.

Корпорация адвокатов только тогда является реальной профессиональной организацией, когда обеспечивает во всех случаях, и без всякого исключения защиту конкретного адвоката от любого произвола со стороны властей. К сожалению, ни советские, ни современные российские адвокатские объединения не могут похвастаться точным соблюдением вышеупомянутого стандарта.

Можно привести характерный пример. 5 декабря 1995 года Международная ассоциация юристов, которая является «юридическим ООН», учредила Институт по правам человека в качестве своего подразделения. Этот институт тут же обратился к организациям — членам МАЮ с просьбой представить конкретные примеры нарушения прав адвокатов.

Наш Международный союз (содружество) адвокатов из Москвы, в свою очередь, обратился ко всем коллегиям адвокатов с просьбой представить такие примеры и, к сожалению, ничего не получил. Трудно сказать, что сильнее повлияло: сохранившийся от старых времен страх перед властями или просто инерция и равнодушие руководителей коллегий к выполнению важнейшей главной корпоративной профессиональной обязанности. К нам пришло из Ганы письмо их ассоциации адвокатов с протестом против требования оформления специального допуска к материалам уголовного дела (конкретно, по делу Никитина в Санкт-Петербурге). Но ни одного подобного письма не пришло из более близких коллегий адвокатов...

Поэтому просим всех адвокатов напрямую сообщать о значимых случаях нарушения их прав в Международный союз (содружество) адвокатов (103104, Москва, Южинский пер., д. 1/14, корп. 7) либо по-английский в Институт по правам человека МАЮ международной почтой по-английски в Лондон (Human Rights Institute, International Bar Association, 271 Regent Street, London, W1R 7PA, England).

Степень свободы и независимости адвокатуры является мерой демократизма общества и реальности обеспечения прав личности, поэтому никакие компромиссы со стороны адвокатуры в целом и адвокатов в отдельности при нарушении права на защиту недопустимы.

Конечно, любая полиция любой страны мира имеет склонность к насилию в отношении задержанного. Вполне правовое государство США потряс показ случайно снятого на видеокамеру избияния десятком полицейских человека, задержанного в Калифорнии за превышение скорости. Симпатичные герои американского сериала «Полиция Майами. Отдел нравов» тоже, как можно заметить, не всегда соблюдают положенную процедуру. И все же там своевременная адвокатская помощь и жесткий судебный контроль не дают разгуляться, что к сожалению, значительно реже показывают в кино.

В России проблемой является не только недостаточность как судебного контроля, так и эффективности адвокатской помощи, но и уровня знаний среди адвокатов о критериях допустимого даже психологического воздействия на задержанного, а также знаний конституционных основ прав человека.

Конституционные познания адвокатов неглубоки прежде всего из-за недостатка получаемого базисного юридического образования. В то же время в новом издании классического учебника профессора МГУ Августа Алексеевича Мишина (1924–1993 гг.) «Конституционное (государственное) право зарубежных стран» (М.: Белые Альвы, 1999) впервые за последние 80 лет восстановлено обоснование происхождения современной концепции прав человека не из французской Декларации прав человека и гражданина, а из базисных религиозных доктрин известного в России религиозного мыслителя XIX века Владимира Соловьева воссозданных священником Александром Менем до его трагической смерти в 1990 году. Как правильно указано исследователями творчества ведущего российского эксперта XX века по демократическим процедурам в уголовном процессе М.С. Строговича, «никакой особой профессиональной нравственности юриста не существует, судебная этика изучает лишь преломление общих нравственных норм в специфических условиях судебной и следственной деятельности» (Опередивший время: к столетию со дня рождения М.С. Строговича. — М., 1994). Если наши адвокаты не восполнят те пробелы в своем образовании относительно нравственных, религиозных и конституционных основ прав личности, им будет крайне трудно возродить традиции профессионализма, присущие российскому юридическому сословию до 1917 года. Основой этой традиции была и остается концепция этической и психологической допустимости доказательств. Так, Н.М. Кипнис в своей интересной работе «Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве» (М., 1995, с. 15) пишет, что еще А.Ф. Кони «дал обоснование концепции психологической недопустимости доказательства независимо от разрешения или запрещения формального закона. Мерилом допустимости доказательств он избрал критерий нравственности. Итак, мы видим, что русские дореволюционные процессуалисты выделяли в оценке доказательств, в частности, такие элементы, как допустимость и достоверность, причем считали условие допустимости необходимой предпосылкой достоверности».

Поэтому современный адвокат, поднимающий при защите по конкретному делу вопросы нравственной и психологической допустимости предоставленных следствием и обвинением доказательств, во-первых, продолжает лучшие традиции российской передовой юридической мысли, а во-вторых, имеет в своем арсенале возможность привлечь общепризнанные международные стандарты обеспечения прав личности.

После вступления России в 1996 году в Совет Европы возможности апелляции к международным организациям значительно возросли, а приведение гарантий прав личности, в том числе права на защиту, в соответствии с европейскими стандартами стало обязанностью властей. Отношение к этому вопросу российских адвокатских объединений, их реальную и активную деятельность в этом направлении можно рассматривать как «лакмусовую бумажку» профессионального уровня многочисленных сейчас адвокатских союзов, ассоциаций, коллегий, гильдий. Они должны проявить активность как в деле быстрой разработки и принятия соответствующего российского законодательства, так и в реальном обеспечении действенности п. 3 ст. 46

Конституции РФ, который гласит: «Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты»

Обращения по каждому серьезному нарушению в находящийся в Страсбурге Европейский Суд по правам человека Совета Европы при определенных обстоятельствах может стать мощным оружием адвокатуры и всей демократической общественности против инерции правоохранительной системы России по поддержанию репрессивно-незаконных традиций прошлого путем обычного сдерживания «внутригосударственных средств правовой защиты», упомянутых в Конвенции..

Нашим не имеющим достаточного международного опыта адвокатам лучше и иногда проще будет напрямую обращаться в Институт по правам человека Международной ассоциации юристов, в котором помогут посоветовать, как правильно оформить жалобу, соблюсти все процедурные формальности и передать обращение по правильному адресу. А самое главное — это постановка конкретного случая нарушения прав человека под международный корпоративный профессиональный контроль.

На фоне международной активности адвокатуры властям будет нелегко и далее сдерживать признания компетенции Комитета, определенного статьей 20 Конвенции против пыток ООН 1984 года. В то же время нужно помнить, что без психологических знаний адвокат не сможет предотвратить пытку.

Тому, кто, считает пыткой только колесование или прикладывание горячих утюгов к телу, будет интересно узнать признанное Россией определение, данное в «Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания», принятых Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1984 года. Вот это определение: «Пытка означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия.»

Как видно, не только простое «профилактическое» избиение, на которое, к сожалению, так горазды полицейские во многих странах, но даже серьезное психологическое давление, нередко практически предусматриваемое в пособиях для следователей по методике допроса, также признается пыткой. В данном случае мы встречаемся с примером, когда международно-правовой документ ООН становится важным фактором развития российского конституционализма, так как он позволяет при осуществлении применения конституционных прав личности ввести серьезные нормативные ограничения уже привычного произвола в отношении личности. Эта же Конвенция предусматривает создание международного Комитета против пыток, который может официально рассматривать сообщения лиц, которые утверждают, что они являются жертвой пытки. Однако компетенция этого Комитета ограничена теми государствами, которые официально признали его юрисдикцию. Советский Союз подписал

Конвенцию с оговоркой, что СССР не признает компетенцию Комитета против пыток. К сожалению, Россия не изменила эту «советскую» позицию. Те же государства, которые признали компетенцию Комитета против пыток, дополнительно к своим механизмам контроля за соблюдением конституционных прав и свобод получили дополнительную гарантию по поддержанию высоких стандартов соблюдения прав личности.

Определение понятия «пытка», которое дано в Конвенции ООН 1984 года, распространяется не только на ее непосредственное применение, но и на применение других международно-правовых соглашений о правах человека, включая, конечно, Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Интересно заметить, что даже в брошюре, выпущенной Аппаратом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «Европейский Суд по правам человека: порядок обращения» (М., 1999) комментарий к статье 3 Европейской Конвенции неправильно назван «Право на физическую неприкосновенность». В самой статье 3 сказано: «Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию». И хотя далее в комментарии говорится о том, что данная норма распространяется и на «психологическое насилие» со стороны тюремных властей, а также в психиатрических больницах, нам кажется, что авторы комментария не вполне осознали, что понятие «пытка» включает в себя и необоснованное психологическое давление на человека. Вероятно нужно также говорить о «праве на психическую неприкосновенность». В целом же цитируемую брошюру можно использовать для подготовки обращений в Европейский Суд. В приложении мы также помещаем документы, помогающие подготовить такое обращение.

ПРИМЕНЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Даже хорошо психологически подготовленные к трудным ситуациям люди с устойчивой психикой (летчики, альпинисты, спасатели и т.д.) оказываются практически беспомощными во время своих первых допросов. Но таковых среди нас очень немного. Средний человек может быть психологически сокрушен самой ситуацией допроса у следователя. Люди же с не вполне устойчивой психикой составляют десятки процентов населения, не говоря уже о людях, психологически больных в пока еще скрытой от окружающих форме.

Кроме того, кому не приходилось сталкиваться в жизни с лживыми людьми, придумывающими все на свете. Кто может утверждать, что на допросе у следователя они поведут себя иначе. Отдельно следует сказать о склонности к лжи у детей и подростков, входящей в качестве составляющей в психологическую характеристику этого возраста. В ситуации целенаправленного интенсивного психологического давления со стороны следователя все вышеуказанные категории лиц с высокой степенью вероятности могут дать показания, не соответствующие действительности, включая самооговор, оговор других лиц, а также особенно часто у свидетелей детали событий и характеристики людей, которые могут использоваться как прямые или косвенные доказательства обвинения. Например, описание взаимоотношений между людьми до события преступления.

Адвокаты при работе над уголовными делами должны помнить, что без знания современных достижений психологической науки осуществлять полноценную защиту практически невозможно. Более того, без знания психологии в некоторых случаях нельзя дать точной процессуальной характеристики следственных действий с точки зрения их соответствия требованиям закона.

Особенно актуальным становится умение адвоката дать правильную оценку психологическому давлению, которое встречается в практике следственных органов и является одной из разновидностей психического принуждения. Чтобы не оказаться безгласными свидетелями нарушения законности, адвокаты должны давать правильную психологическую и процессуальную оценку характеру следственных действий и обстановке, в которой они производятся.

Настоящая брошюра подготовлена на основе аналогичной брошюры «Как предотвратить пытки» (М.Белые Альвы, 1997.), которая была составлена на базе методического пособия «Применение адвокатами психологических знаний» (1988 г.), опубликованного по материалам сектора судебной психологии Института прокуратуры РФ, разработанным под руководством профессора А.Р. Ратинова, по монографии И.Л. Петрухина «Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение» (М., 1985), с использованием работ Н.И. Гавриловой «Ошибки в свидетельских показаниях», М.1983. и М.М. Коченова «Судебно-психологическая экспертиза» М. 1977., публикаций «Психологического журнала» (1984 — 1986 гг.).

Психическое принуждение — это целенаправленное воздействие на интеллектуальную, эмоциональную и волевою сферы человека с целью заставить его выполнить что-либо вопреки своей воле. Средства психического принуждения разнообразны — угроза, обман, внушение, шантаж, незаконные увещевания.

Особенно важно оградить личность от незаконного психического принуждения к даче показаний. Несмотря на возможную ответственность свидетелей и потерпевших за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний эти лица дают показания добровольно в том смысле, что следователь и суд не вправе прибегнуть к шантажу, вымогательствам, угрозам, насилию, обману, чтобы получить показания вопреки воле указанных лиц. Это относится к показаниям не только на допросе, но и на очной ставке, при опознании и проверке показаний на месте. При проведении следственного эксперимента недопустимо принуждение к демонстрации свидетелем и потерпевшим определенных действий. Тем более все вышесказанное относится к обвиняемому.

В уголовно-процессуальной науке сложилась точка зрения, суть которой М.С. Строгович изложил так: «Признание обвиняемым своей виновности не может и не должно быть получено в результате психического воздействия на обвиняемого, угроз, нажима на него, разъяснений ему, что его положение безнадежно и только сознание может облегчить его участь и т.п.». Эта концепция наиболее важна для адвокатов, и с ее позиций следует отрицательно относиться к таким психологическим приемам воздействия на обвиняемого, которые побуждают его дать показания вопреки собственной воле.

Следователю и адвокату необходимо знать, что управляет человеческим поведением, владеть искусством общения, эффективного и правомерного воздействия на людей, а это невозможно в полной мере без понимания их

внутреннего мира, индивидуальных особенностей и свойств, интересов и установок, мотивов и целей, эмоциональных состояний и переживаний и т.п.

Конечно, каждый адвокат или следователь в процессе работы, иногда и сам того не замечая, неизбежно опирается на данные психологии. Это — эмпирическая, житейская психология, основанная на личном опыте, знании жизни людей. Большой частью такие знания правильно отражают психические явления и ориентируют в повседневных делах. Однако хорошо известно, как ограничены обыденные представления по сравнению с научными данными и как подчас «подводит» людей так называемый здравый смысл.

Приведем цитаты из книги бывшего Генерального Прокурора РФ о том, как он написал под давлением заявление, которое писать не хотел.

«Когда шла живая беседа..., когда крутилась пленка, моему внутреннему состоянию вряд ли кто мог позавидовать,- любой окажись на моем месте, запросто потерял бы способность соображать, в этом я уверен твердо, - не очень соображал и я. Мне просто хотелось, чтобы все это поскорее кончилось... Хотелось плакать, хотя совсем немужское это занятие – плакать. Но что было в тот момент, то было». Таковы психологические ощущения человека с высокой самооценкой, написавшего далее: «Все-таки я юрист и не самый последний юрист в России...» Приведенные цитаты показывают, что психологическое давление (в данном случае с угрозой публичного показа видеокассеты) может сломить любого, как это утверждает и бывший Генеральный Прокурор..

Состояние подследственных, как правило, окрашивается переживанием страха, беспокойства, тоски, подавленности, озлобления и т.п. Это приходится наблюдать практически работникам ежедневно. Эти переживания отнюдь не способствуют активизации психических процессов, отрицательно влияют на психику, иногда серьезно дезорганизуют ее. Речь идет не о патологии, а о нормальных субъектах, попавших в ситуацию расследования, изобилующую сильно значимыми и достаточно длительными раздражителями, которые ведут к возникновению психических состояний и которые определяют психическую жизнь человека после привлечения его к уголовной ответственности на достаточно длительный период. К числу типичных состояний подследственных относится нервно-психическое напряжение — стресс. Образно говоря, это — часы «пик» в человеческой жизни.

Нервно-психическое напряжение свойственно деятельности человека в любой трудной ситуации. Как уже подчеркивалось, это обычное состояние большинства преступников. Психические состояния невиновных подследственных могут быть более выражены, более продолжительны и интенсивны. В механизме образования и протекания психических состояний действуют такие факторы, как привыкание, готовность к напряжению, опыт, вынесенный из переживания аналогичных состояний в прошлом.

У лица, действительно совершившего преступление, происходит некоторая внутренняя подготовка к возможному и допускаемому им привлечению к ответственности. У невиновного, за редким исключением, такая подготовка отсутствует: он не совершал преступления, ничего в этой связи не опасался и ни к чему подобному не готовился. При этом лицо, может быть, вообще никогда не вступало в контакты со следственными органами и не имеет никакого практического опыта поведения в подобного рода ситуациях.

Рассматривая ситуацию расследования как безусловно трудную для подследственного, необходимо иметь в виду, что трудность вообще определяется

различными факторами. Главный из них — угроза благополучию человека и его близких. При этом не важно, существует ли такая угроза реально или ситуация лишь оценивается человеком как крайне угрожающая. Результатом переживания которой может быть возникновение напряжения. Деятельность в затрудненных условиях при наличии любого противодействия сопровождается возникновением стрессового состояния.

Подследственный испытывает действие стимулов, неизбежно вызывающих стресс, ситуация расследования изобилует такого рода воздействиями. Прежде всего, привлечение к уголовной ответственности, угрожая благополучию, касается не только условий физического существования, но и (что не менее, а может быть, и более важно) социального престижа личности, принадлежности ее к определенной социальной группе, самооценке, жизненных планов и других значимых ценностей. От того, насколько эти ценности включены в осознанную жизнь подследственного, зависит и характер субъективной оценки ситуации. Значение объективно существующей угрозы усугубляется субъективным отношением к ней. Но это еще не все. При избрании меры пресечения, связанной с лишением подследственного свободы, происходит резкая смена жизненных стереотипов. В силу этого заключение под стражу само по себе относится к стимулам, влекущим за собой глубочайшее нервно-психическое напряжение длительного действия.

И наконец, трудность ситуации, складывающейся при привлечении лица к уголовной ответственности, зависит от того, с каким противодействием он сталкивается. Напряженность ситуации во многом определяется поведением следственного работника, его противодействием стремлениям подследственного. Если следователь игнорирует любые попытки оправдания, отвергает доводы обвиняемого, то такое поведение неизбежно усиливает напряженность. Степень ее значительно возрастает, если при этом проявляется необъективность, тенденциозность — ущемление прав обвиняемого, нарушение закона относительно допустимости и обоснованности применяемых мер.

До определенного предела переживаемое напряжение способно вызвать ухудшение психической деятельности. Запредельные же его формы, как правило, ведут к резкому ухудшению результатов и даже полной дезорганизации. Степень же напряжения и утомления зависит от индивидуальных свойств, значимости мотивов и целей личности. Если речь идет об удовлетворении не частных, а жизненно значимых мотивов и целей, состояние напряжения вызывает не улучшение, а ухудшение деятельности. Чем сильнее и значимее для человека цели, к достижению которых он стремится, тем острее переживается угроза неудовлетворения.

Другим состоянием, возникающим нередко у подследственных, является фрустрация — крайняя дезорганизация сознания и деятельности вследствие непреодолимых препятствий и блокировки жизненно важных интересов личности. Фрустрация — это переживание тупика и безысходности, которое может и не соответствовать реальной ситуации, но оценивается человеком именно так. Чем важнее для личности затрагиваемые интересы, тем ниже порог терпимости. В силу этого наиболее фрустрирующими являются ситуации, при которых в процессе расследования социальная оценка обвиняемого претерпевает коренные изменения, которые тем острее, чем больше расхождение между прежней социальной оценкой и статусом личности и тем положением, в котором оказался обвиняемый и которое еще его ожидает. Как и переживание нервно-

психического напряжения, так и фрустрация зависят от возбудимости отрицательных эмоций. Люди с повышенной тревожностью, чувствительностью к неприятностям, внушаемые легче поддаются фрустрирующим переживаниям, чем люди уравновешенные, обладающие сильной нервной системой, волевыми качествами, устойчивостью и неподатливостью воздействиям.

Особо нужно подчеркнуть высокую степень психологического воздействия, которое оказывает на человека лишение свободы. Камерная изоляция прерывает привычные социальные контакты, ограничивает возможность общения с людьми, значительно снижает количество поступающей и перерабатываемой информации. Между тем общение является коренной потребностью, условием нормальной жизнедеятельности человека, поэтому, лишаясь контактов, человек испытывает значительные трудности. Арестованный пребывает в состоянии не только социальной, но и физической изоляции, лишается обычной обстановки, связей, изменяется его привычный уклад жизни, он вынужден пребывать в состоянии бездействия. К этому следует добавить нравственные и физические страдания, связанные с лишением свободы, неизвестностью будущего.

Конечно, заключение под стражу не есть полная изоляция, остается общение с лицами, производящими расследование, и камерное окружение. Но и ограниченная возможность общения производит исключительно тяжелое впечатление на человека:

воздействие оказывает не только наличие или отсутствие непрерывной информационной связи с его средой, но и сам уровень, количество поступающей к нему информации. Душевный кризис, который обычно вызывается изоляцией в результате ломки привычного образа жизни, имеет физиологическое обоснование — нарушение прежнего динамического стереотипа и трудности установления нового. Отсюда и чувства сомнения, тревоги, растерянности, безысходности и т.п. Особенно серьезную психическую травму способен причинить арест невиновному. Во многих случаях самооговор является прямым результатом воздействия лишения свободы.

Психическое состояние заключенного под стражу благоприятно для любого внешнего воздействия и часто используется сокамерниками из числа рецидивистов для негативного воздействия на него, приобщения его к своей субкультуре. Находятся и «наставники», которые, выступая в качестве добровольных помощников, склоняют арестованного к признанию, в ряде случаев должного содержания, запугивая его, убеждая в бесполезности сопротивления. Именно эти незримые для добросовестного следователя и порой поощряемые недобросовестным следователям влияния сокамерников являлись причиной многих следственных ошибок. Хотелось бы напомнить, что в соответствии с определением Конвенции ООН 1984 года пыткой властей являются действия других лиц, причиняющих боль или страдания человеку, если они осуществляются «по подстрекательству или с ведома или молчаливого согласия государственного должностного лица». Под это определение полностью подпадает и физическое, и психологическое воздействие на подследственного со стороны сокамерников, поскольку следователь либо «молчаливо» знает о нем, а иногда и поощряет с целью склонить подследственного к признанию.

Ответственность должностных лиц даже за кратковременное заключение под стражу всегда должна оцениваться и с точки зрения возможного подпадания этих действий следствия или дознания под понятие «пытка».

В связи с этим необходимо напомнить, что заключение под стражу, в том числе и краткосрочное лишение подозреваемого свободы, налагает дополнительную ответственность на следователя за психическое состояние арестованного. Это только вынужденная мера против уклонения виновного от ответственности и совершения им других преступлений, а не средство воздействия в целях получения желательных показаний. Источником ложных признаний иногда являются различного рода психические нарушения, которые могут быть неизвестны следователю, а иногда и самому подозреваемому. Чаще всего склонность к самообвинению проявляется при таких психических заболеваниях, как психопатия, олигофрения, истерия, эпилепсия, шизофрения, депрессивные психозы, а также при иных психических аномалиях, реактивных состояниях, алкоголизме и других формах токсикомании.

Если состояние нервно-психического напряжения опасно тем, что оно дезорганизует психическую жизнь подследственного, препятствует правильному восприятию и оценке различных факторов, затрудняет осмысление ситуации в целом и выбор выгодной линии поведения, то фрустрация, порождая чувство безысходности, крушения планов и отчаяния, опасна тем, что подследственный с нормальной психикой может прибегнуть к любым средствам и путям разрешения ситуации, лишь бы выйти из субъективно воспринимаемого тупика. Это желание любой ценой положить конец фрустрирующим переживаниям настолько велико и притягательно, что в ход идут даже такие неадекватные реакции, как ложное признание, покушение на самоубийство и т.п.

Сложны и подчас трудно различимы мотивы ложных показаний, в которых допрашиваемый признает себя виновным и обвиняет других. Длительное время среди юристов и особенно практиков господствовало упрощенное представление, которое усматривается в отдельных случаях и сейчас: нормальный человек не может вредить себе ложным признанием, добываясь страданий, связанных с применением наказания¹. Трагическая цепь следственных и судебных ошибок давно привела к выводу, что эта психологическая предпосылка, из которой исходили при оценке признаний обвиняемого, примитивна, не отражает всей сложности мотивации человеческих действий и поэтому зачастую ошибочна. Предполагаемая выгода от ложного признания может в глазах обвиняемого превалировать над вредом, которым это признание чревато, и он выбирает «наименьшее зло».

Основной причиной, порождающей ложные признания, является не только, а подчас и не столько заинтересованность в исходе дела, но и сам ход расследования, желательность изменения ситуации любой ценой. Сама сложившаяся обстановка может иметь для него не меньшее, а на некоторых этапах и большее значение, чем отдаленная перспектива.

Даже когда обвиняемый действует, на первый взгляд, во вред себе, в действительности сказывается тенденция извлечь реальную или предполагаемую пользу. Эта, условно говоря, «выгода» может быть временной, кажущейся, связанной с желательным для обвиняемого благополучием других лиц, но во всех случаях, принимая решение, он полагает, что «так будет лучше». Причем весомость, значимость извлекаемой пользы отнюдь не обязательно эквивалентна тому значению, которое придают поступкам обвиняемого другие лица.

¹

Учитывая разнообразие побуждений к самоговору, можно указать наиболее типичные:

1. Обвиняемым движет боязнь и стремление избежать страданий, которые мнимо или реально ему угрожают, и он рассчитывает устранить такую опасность ложным показанием.

2. Особенно отрицательно действует чувство страха, которое могут испытывать при допросе и виновный и невиновный. Страх не только притупляет память, но угнетающе действует на психику человека, на его интеллектуальную деятельность, нередко снижает волю, нравственный самоконтроль и критические способности, препятствует правильной оценке обстановки, делает человека доступнее для нежелательных влияний.

3.. Известны случаи самоговора, вызванные стремлением ускорить затянувшееся расследование и судебное рассмотрение, когда обвиняемый утратил веру в возможность доказать свою правоту и хочет покончить с неопределенностью положения, уйти от нравственных и физических страданий.

4.. Человек может добросовестно заблуждаться, считая себя виновным. Такие факты чаще всего наблюдаются в делах о неосторожных преступлениях, когда обвиняемый не осведомлен относительно наличия и значения обстоятельств, исключаящих его ответственность (необходимая оборона, крайняя необходимость).

5. Большую группу мотивов объединяет стремление получить какие-либо выгоды от лица, производящего расследование. Этому способствуют ложные или реальные обещания. Обвиняемый старается «заслужить» изменение меры пресечения, улучшение условия содержания под стражей, применение взамен наказания мер общественного воздействия или иного смягчения ответственности, которая представляется неотвратимой в силу тяжести и убедительности собранных улик.

6. Лицо, совершившее какое-либо преступление, чтобы угодить следователю, признается в совершении других аналогичных и ранее нераскрытых преступлений, полагая, что это не отразится на мере наказания. Подчас такие признания делаются не только в расчете на благожелательное отношение следователя, но и для того, чтобы приобрести авторитет в преступной среде.

7. Стремление избавиться от наказания действительного виновника, которое продиктовано либо родственными или дружескими чувствами, либо определенными групповыми интересами (как это бывает иногда среди преступников-рецидивистов), либо угрозами и воздействием заинтересованных лиц в отношении тех, кто находится в какой-либо зависимости от них.

8.. Боязнь огласки каких-либо компрометирующих сведений или желание получить от заинтересованных лиц какую-либо материальную выгоду.

9. Стремление обвиняемого уклониться от ответственности за более тяжкое преступление. Так преступник рассчитывает усыпить бдительность и прекратить расследование своей деятельности, создать себе алиби по другому делу либо доказать наличие обстоятельств, смягчающих или исключаящих его ответственность.

10. Иногда допрашиваемый, нагромождая ложные признания, старается запутать и затянуть расследование, полагая впоследствии отказаться от своих показаний, когда возможность обнаружения действительно совершенного им

преступления будет утрачена или затруднена, либо истечет срок содержания под стражей.

Без преувеличения можно сказать, что страх, который по той или иной причине вселяют отдельным людям органы следствия, наибольшая помеха для выяснения истины. Страх лежит в основе большинства мотивов ложных показаний. Именно поэтому запрещаются угрозы и иные подобные меры, требуется разъяснение и обеспечение участникам процесса их прав и законных интересов.

Известно, что страх увеличивает внушаемость, которая в той или иной мере свойственна каждому. Внушаемость возрастает при общей неблагоприятной обстановке, аффективных состояниях, переутомлении, истощении нервной системы, зависимом положении человека, т.е. в условиях, в которых может оказаться подследственный. Чувствуя себя незащищенным, он особенно восприимчив к внешним воздействиям. Причем возбуждение и напряжение, испытываемые при допросе, могут дойти до такой степени и оказать такое влияние на допрашиваемого, что далеко не всегда он в последствие в состоянии правильно объяснить свое поведение.

Объективными факторами, которые содействуют возникновению мотивов ложных показаний, обычно являются посторонние воздействия на обвиняемого и неблагоприятная процессуальная обстановка. Роль последней особенно велика. Ибо неблагоприятная обстановка может возникнуть по любому делу в случае нарушения процессуальных норм, отступления от наиболее эффективного порядка расследования, и каждое, даже малозначительное, нарушение способно породить превратное представление у допрашиваемых.

Анализ следственных и судебных ошибок, обусловленных самооговором, обнаруживает их несомненную связь с нарушениями процессуальных правил, невыполнением следователем своих обязанностей или некачественным, тактически неправильным их выполнением. Таким образом, любые нарушения закона при производстве расследования в целом и выполнении отдельных следственных действий, их неправильное тактическое решение — все это должно служить основанием для критической проверки как истинности заявленного признания, так и отказа от прежних показаний.

Это касается прежде всего обстоятельств и условий получения этих показаний: времени производства — продолжительности и количества допросов, наличия перерывов между ними, надлежащего оформления их хода и результатов, числа лиц, участвовавших в допросе — все эти моменты должны быть установлены, чтобы оценить воздействия, испытанные при допросе и вне его, условия, в которых он в то время находился, содержась под стражей. Подобный допрос лиц, заявивших о самооговоре, способствует более целенаправленному распределению усилий по разоблачению ложного признания или ложного утверждения о самооговоре.

Каждое обстоятельство, относящееся к характеристике процессуально-тактической ситуации, могущее повлечь за собой самооговор, подлежит придиричному исследованию. Однако наличие таких обстоятельств еще не может однозначно свидетельствовать о ложности ранее заявленного признания. Эти сведения обязательно должны быть соотнесены с данными о личности подследственного. Сделать это необходимо потому, что (как уже указывалось) поведение человека обуславливается не одними лишь внешними воздействиями. Важную роль в формировании того или иного поведенческого акта играют

особенности личности. В силу этого максимально полно должны быть выяснены те свойства личности, которые могли бы способствовать податливости внешним неблагоприятным воздействиям.

Многие из рассмотренных мотивов нередко также служат побудительной причиной оговора. Ложные показания, соединенные с обвинением других лиц, могут быть даны из мести, зависти, вражды и личных счетов, в силу желания «разделить» ответственность или полностью переложить ее на других, скрыть подлинных преступников и других причастных к делу лиц, утаить похищенное имущество и т.п. Зачастую это имеет место по делам о групповых преступлениях, когда обвиняемые дают взаимообличающие показания, приписывая сообщнику роль инициатора, организатора и главного исполнителя преступных действий, а себя изображают либо как жертву принуждения, либо как пассивного наблюдателя или случайного очевидца. Подчас такую позицию провоцирует сам следователь, удовлетворяясь взаимными обвинениями подсудимых и оставляя без должного выяснения и доказывания действительные роли обвиняемых в расследуемом событии.

Собственно допрос обвиняемого начинается с предложения дать объяснения по существу обвинения и сообщить все, что ему известно по делу. Большое значение при этом имеет разъяснение ему предмета допроса, т.е. правильная формулировка стоящей перед обвиняемым задачи. Если допрашиваемый ее не понял, это может привести к показаниям не по существу, к их неполноте и неправильным сообщениям. Поэтому вопросы следователя должны быть точны, ясны, однозначны. И в ходе допроса необходимо контролировать правильность их понимания допрашиваемым. Необходимость быть правильно понятым требует от следователя умения говорить языком, доступным собеседнику, а это возможно при большом языковом диапазоне, способности приравливать свою речь к обсуждаемому предмету и интеллектуальному уровню собеседника. Всегда нужно думать, как будет встречен и воспринят вопрос, проверять это в ходе допроса, добиваясь полного взаимопонимания. Опасность недоразумений особенно велика при допросе обвиняемого на неродном для него языке с участием переводчика.

Извлечение информации из памяти и формирование ответа на заданные вопросы протекают поэтапно и порой довольно медленно. Сначала предварительный беглый поиск, чтобы выявить известную субъекту информацию по данному вопросу. Затем оцениваются результаты этого поиска, чтобы определить точны ли они. При отрицательном результате поиск прекращается, и мы получаем ответ «не помню», «не знаю», при положительном — следует более детальный анализ и, возможно, дополнительный поиск.

Воспроизведение включает восстановление, актуализацию ранее воспринятого материала путем извлечения его из долговременной памяти. Этот процесс может протекать с различной степенью трудности: от автоматического узнавания до мучительного припоминания забытого. Различая непроизвольное (непреднамеренное) и произвольное вызванное репродуктивной задачей воспоминание, отметим, что дача показаний — произвольный, целенаправленный процесс восстановления в сознании события, по поводу которого проводится допрос. Если запоминание было качественным, то воспроизведение обычно происходит легко, если же это связано с преодолением трудностей, требующих волевых усилий, имеет место припоминание с момента

словесного воспроизведения информации, которой располагает обвиняемый, включается процесс коммуникации посредством речи. В этом процессе возможность нежелательных искажений не исключается. Вообще опасность неправильного понимания следователем подследственного и наоборот — отнюдь не мнимая. Изучение практики позволяет констатировать, что одним из самых распространенных объяснений причин изменения и корректировки ранее данных показаний является ссылка допрашиваемых на то, что следователь неправильно понял и неточно записал их слова. Причем эти заявления часто исходят от добросовестных лиц, дающих правдивые показания.

Действительно, ошибки могут вкратце в результате того, что следователь чего-то не расслышал или что-то понял не так, а поспешность, нетерпение, невнимание помешали ему своевременно выяснить и устранить недоразумение. Особенно вероятна опасность ошибок при допросе обвиняемого на неродном для него языке и через переводчика. Правильному уяснению смысла препятствует предвзятость, предубеждение, увлечение определенной версией, приводящие к тому, что человек нередко слышит не то, что действительно сказано, а то, что ему хотелось, или то, что он ожидал услышать. При этом существенная потеря информации обусловлена тем, что следователь воспринимает далеко не все сказанное. Речь обвиняемого обычно содержит значительное количество избыточной информации, и следователь производит отбор существенного, отсеивает сведения, не имеющие, на его взгляд, значения для дела. В результате неправильного определения существенности и относительности данных утрачивается часть нужной информации.

Кроме того, необходимость ускоренной реакции на ход допроса, специфическое требование понимать людей с полуслова, вырабатывает у следователя «опережающее понимание». Восприняв минимальный объем языкового материала, следователь начинает действовать пока еще мысленно с вероятной информацией, зачастую не уяснив доподлинно сказанного. При всех достоинствах такого умения возможно искаженное восприятие слов и мыслей собеседника. Поэтому умение слушать и слышать не менее ценно для следователя, чем умение говорить.

Ошибки возможны в результате применения собеседником малоизвестных терминов, оборотов, со значением различных оттенков. Поэтому смысл сказанного может быть различным для допрашиваемого и допрашивающего. Неправильное понимание подчас возникает в силу недостаточной осведомленности следователя в специальных вопросах, подлежащих выяснению (например, при исследовании обстоятельств, связанных с технологией безопасности, бухгалтерским учетом, безопасностью движения и т.п.).

Наряду с этим ошибки могут быть вызваны и чисто языковыми особенностями тех или иных сообщений. Причиной недопонимания оказывается использование выражений, неточно, двусмысленно отражающих нужное явление, предмет или его свойства. Известно, что одно и то же явление может быть названо несколькими словами, а одно и то же слово может обозначать разные предметы и явления. Наиболее ощутима такая значимость в различных диалектах. Различаются профессиональные языки, местные говоры и жаргоны. К числу последних относится так называемый «блатной язык». Диалекты в разной степени проникают в обычную разговорную речь. При этом отдельные выражения и обороты, используемые обвиняемым, могут быть незнакомы

следователю, поэтому для недвусмысленного толкования того, что именно имеет в виду допрашиваемый, следователь должен перепроверить правильность своего понимания в ходе допроса путем дублирующих, повторных, контрольных вопросов.

В психологической литературе отмечается важная для юридической практики мысль о том, что живая речь выражает неизмеримо больше, чем смысл составляющих ее фраз. Ее выразительность определяется психологическим подтекстом, который также должен быть адекватно понят собеседником. Чтобы понять говорящего, а не буквальный текст его речи, надо расшифровать его «подтекст», выявив не только то, что человек формально сказал, но и то, что он хотел или имел в виду сказать, т.е. мотив и цель речи, определяющие ее внутренний смысл. Эта расшифровка достигается истолкованием сказанного путем соотнесения его с реальной, жизненной ситуацией, о которой идет речь и в которой происходит допрос. К сказанному нужно добавить, что когда люди разговаривают друг с другом, то многое не выражают в речи, а подразумевают как ясное. При допросе речь обычно носит характер диалога. Диалог — это цепь реплик и реакций, всегда предполагающих знание собеседниками предмета разговора, беседы или допроса. Зрительное восприятие (мимика, жесты, интонация), вплетение в конкретную ситуацию следственного действия обуславливают ряд сокращений, неполное, подчас свернутое высказывание каждого из участников разговора. Попутно заметим, что одинаковая направленность сознания и психическая близость позволяют понять друг друга с намека и делают излишними подробные объяснения. Нечто подобное происходит и в ходе расследования, когда следователь неоднократно встречался и обсуждал какой-то вопрос с тем или иным участником уголовного дела.

Важное значение имеет также то, что кроме содержания, складывающегося из определенных словесных конструкций, в речи отражается и эмоциональное отношение к этому содержанию. Коммуникация не ограничивается только речевой формой общения. Речь непременно дополняется неречевыми символами, помогающими уяснению ее смысла. С помощью речи человек передает содержание высказывания, а свое отношение проявляет в невербальных компонентах. Другими словами, с помощью речи мы узнаем, что человек говорит, а с помощью дополнительных средств коммуникации, как он относится к сказанному. Чтобы понять, какое значение имеют лингвистические «добавки», достаточно вспомнить о впечатлении от художественного произведения, прочитанного монотонно («как пономарь») и выразительно («с чувством, с толком, расстановкой»). В процессе общения важную роль выполняют невербальные компоненты речи: моторика (экспрессивные движения) — жесты (движения рук), мимика (движения губ, челюсти, бровей, глаз, гримасы лица) — и пантомима (различные позы). Одному и тому же тексту они способны придать различную окраску и даже смысл.

В наиболее распространенной схеме ложного признания достоверно известные и установленные факты дополняются и расцветиваются вымышленными деталями и подробностями. После возбуждения уголовного дела и предъявления обвинения уже доказаны многие обстоятельства дела, что ставит известные границы фантазии обвиняемого. Поэтому разделение содержания ложного признания на две части (содержащую достоверную информацию и вымышленную) позволяет выявить некоторые признаки каждой из них.

Что касается объективно правильных данных, содержащихся в самоговоре, то они чаще всего ограничены такими элементами события, которые были доступны постороннему наблюдению или усматриваются из последствий преступлений, обнаруженных следов. Об этом подследственный мог узнать от лиц, причастных к преступлению, очевидцев, участников следственных действий, из слухов, сообщений в печати и т.п.

Участие в допросах служит главным источником осведомленности. Допрашиваемому уже разъяснялась суть возникших в отношении него подозрений; он уведомлялся об обстоятельствах дела как прямо, так и предъявлением доказательств. При самоговоре допрашиваемый, как правило, использует эту информацию, на ее основе делает ложное признание. Эта часть показаний подследственного обычно не выходит за рамки известной следователю информации, имеющихся в деле данных. Изложение в признании лишь таких данных, отсутствие другой объективно подтвержденной информации, неумение подследственного подробно и полностью объяснить механизм преступного деяния определенным образом характеризуют эту часть самоговора. Неспособность допрашиваемого выйти за пределы общеизвестных данных по делу может указывать на отсутствие у него подлинно виновной осведомленности.

Выявление самоговора требует также анализа другой его части — содержащейся в нем ложной информации. Поставленный перед необходимостью разъяснения обстоятельств, еще не познанных следствием, допрашиваемый в меру своего разумения прибегает к измышлению их, нередко приравливая к логике ложного признания события и факты, которые ему представляются наиболее вероятными. Так появляются по меньшей мере две возможности для диагностики лжи. Первая видится в повторном производстве допросов, при которых может обнаружиться забывание ранее придуманных подробностей, появление новых вымышленных деталей. Нужно заметить, что принципиально недопустимо начинать повторный допрос, как это иногда делается, с вопроса, подтверждает ли подследственный ранее данные показания, или с предложения повторить их. Такой порядок толкает допрашиваемого на то, чтобы ограничиться точным воспроизведением ранее сказанного, избежать дополнений и корректив, даже когда они совершенно необходимы.

Недопустимость упрощенчества при повторном допросе полностью относится и к таким следственным действиям, как очная ставка и следственный эксперимент, связанный с проверкой показаний на месте. Именно поэтому во избежание механического повторения прежних показаний закон допускает их оглашение лишь после дачи новых показаний и их фиксации. Это правило предусмотрено лишь для очной ставки и оглашения показаний в ходе судебного следствия, но должно соблюдаться и при повторных допросах обвиняемого в процессе расследования.

В ложных показаниях наблюдается явление застывшей репродукции. Речь идет о том, что допрашиваемый иногда воспроизводит не первичную информацию, не то, что он в свое время воспринял, а свои сообщения на первом допросе, свои первоначальные показания. Зная о необходимости в дальнейшем повторить показания, подследственный иногда старается не забыть сказанного. А некоторые даже стремятся заучить то, что говорилось на предыдущих допросах. Об усилении допрашиваемого сохранить прошлые объяснения неизменными говорят текстуальные повторения, нежелание выйти за рамки

сказанного, избежать освещения обстоятельств, которые ранее не затрагивались. Чтобы отделить повторное воспоминание факта от того, как он описывался в первых показаниях, прибегают к допросу «в разбивку» или в последовательности, обратной первоначальному описанию, и другим подобным приемам.

На практике при получении повторных показаний отмечаются две крайности. Когда прошлые показания кажутся следователю предпочтительными, он сам стремится достигнуть буквального их повторения и чуть ли не переписывает их заново, забывая о необходимости проверки и расширения имеющейся информации. Поэтому при оценке повторных показаний наличие подобной репродукции всегда должно настораживать. В других случаях, напротив, прошлые показания полностью игнорируются, не сопоставляются с последующими и не выявляются причины возникающих противоречий. В результате каждый последующий допрос вносит свою долю искажений и путаницы.

Нередко воспоминание происходит медленно и постепенно. Может потребоваться несколько допросов, чтобы в сложных случаях восстановить все существенные обстоятельства, выявить не обнаруженные ранее «сбережения» памяти. Тем более оправдано использование повторных показаний как средства контроля и проверки сообщаемой информации, но, конечно, без всякого внушения, запугивания и нажима.

Другая возможность диагностики ложного признания — сопоставление тех сведений, которые исходят от подследственного, с фактическими данными, которые установлены иными материалами дела. Используя эти данные для придания убедительности своему признанию, подследственный подчас допускает серьезные погрешности, вынужден искусственно подгонять друг к другу вымысел и действительные факты, извращая последние. Критическая проверка обнаруживает их несоответствие в случае ложного признания.

Конечно, подгоняя показания под известные обстоятельства и имеющиеся доказательства, ни допрашиваемый, ни допрашивающий в своей фантазии не могут подняться выше своего интеллектуального уровня, «ранга рефлексии». Поэтому явные несообразности, грубые погрешности в показаниях зачастую устраняются «на ходу», заменяются новой ложью. Задача состоит в отыскании скрытых противоречий, недоступных поверхностному взгляду, но видимых при глубоком и вдумчивом анализе.

Анализ содержания ложных показаний подследственных приводит к выводу о том, что во многих случаях ложь могла бы быть своевременно разоблачена путем проверки признания показаниями соучастников, свидетелей и другими материалами дела. При наличии противоречий между содержанием показаний признающегося подследственного и собранными по делу доказательствами наряду с другими возможными объяснениями этого факта должно возникать и предположение о ложности признания. Во всяком случае следователь обязан заняться выяснением причин этих противоречий. Но случается, что впечатление от признания бывает настолько велико, что следственный работник сомневается во всем, кроме самого признания. В таких случаях вольно или невольно он начинает «подправлять» противоречащие признанию доказательства.

Наконец, о ложности признания может сигнализировать сама форма, в которую оно облечено. Внутренняя скованность, напряженность

допрашиваемого отражается и в устной, и в письменной речи. Анализ ее может многое дать для диагностики лжи подследственного. Как правило, стиль ложных признаний поражает своей убогостью и однообразием. Подростки и взрослые, рабочие и школьники — все в ложных признаниях говорят одним языком. Стилиевые конструкции не отличаются разнообразием: «осознав тяжесть содеянного, я решил сказать правду...», «я искренне раскаиваюсь...» и т.п. Нередко речь таких подследственных изобилует специальными юридическими оборотами и терминами, явно незнакомыми и малопонятными для допрашиваемого, при навязчивом подчеркивании лишь самого факта признания вины.

В некоторых случаях ложное признание является несомненным творчеством самого следственного работника и отражает особенности, присущие ему, а не подследственному. В таких признаниях стиль вообще чужд допрашиваемому. Многие выражения, обороты речи противоречат его культурному уровню. Несмотря на явную тенденцию к логической завершенности в этих ложных признаниях фактический материал чаще всего беден.

Определенным симптомом лжи подследственного может служить внешнее совпадение по стилю признаний нескольких подследственных. Эта особенность приобретает еще большее значение, когда их содержание диаметрально противоположно, содержит взаимные обвинения, когда каждый из признавшихся стремится умалить свою вину, подчеркивая активную и решающую роль в совершенном преступлении других обвиняемых. «Групповые» самооговоры часто имеют подобную направленность. В практике встречалось уголовное дело, где каждый из трех участников группового преступления признал свою вину, указав на другого в качестве главного исполнителя. Иногда же оговаривают себя, принижая роль, например, главаря, чаще всего в результате запугивания со стороны последнего.

Выше речь шла о содержательном анализе показаний с целью выявления лжи обвиняемого. Однако допрос как сложный процесс общения включает в себя многообразные акты поведения допрашиваемого, психологический подтекст которых не безразличен для лица, производящего допрос. Но значение поведенческих реакций обвиняемого нуждается в правильном определении и оценке.

Виновность или невиновность, искренность или лживость не могут быть точно диагностированы по внешним проявлениям и психофизиологическим симптомам, которые не специфичны для определенных состояний даже одного человека в разное время. Одни и те же переживания могут приводить к различным реакциям, а одинаковые реакции вызываться разнородными переживаниями. Поэтому в теории уголовного процесса, следственной и судебной практике поведению обвиняемого, манере вести себя, экспрессии, мимике, жестикуляции, интонации и физиологическим реакциям не должно придаваться никакого доказательного значения.

Грань между психическим насилием и правомерным воздействием определяется наличием свободы выбора той или иной позиции. При насилии человек существенно ограничен или вовсе лишен возможности выбирать для себя линию поведения. Она предопределена альтернативой, которую ставит лицо, производящее расследование. Угрожающий вред нередко становится главным побудителем. Единственное средство, позволяющее избежать угрозы,

подследственный видит в том, чтобы выполнить продиктованное следователем, а чаще оперативным сотрудникам МВД. Если, например, подозреваемому заявляют, что в случае отрицания им своей вины он будет арестован, а в случае признания — оставлен на свободе, то независимо от реальности подобных обещаний и угроз действия следователя носят характер психического насилия. Именно поэтому нужно решительно осудить высказывания о том, что гипноз может найти какое-то применение в процессе расследования. Гипнотическое внушение — наиболее сильная форма психического насилия, несовместимая с нашими нравственными и правовыми принципами. Абсолютно недопустимо и участие в расследовании экстрасенсов, что является изощренным способом психического воздействия. Такие факты имели место при расследовании уголовного дела Камуза, впоследствии приговоренного к смертной казни за убийство, а позднее своевременно реабилитированного в результате высокого профессионализма московского адвоката Генриха Рубежова.

Вообще дело Камуза является показательным. Суть его в общих чертах такова.

Была изнасилована и убита десятилетняя девочка. Преступники расчленили труп и оставили его в двух чемоданах на Казанском вокзале г. Москвы. Следствие активно допрашивало таксистов, предполагая, что чемоданы могли быть привезены на такси. Таксист, который был близким знакомым семьи погибшей и, естественно, находился в состоянии потрясения от случившегося, опознал чемоданы, которые якобы на его такси привезли на вокзал два человека невысокого роста в возрасте свыше 40 лет. Он подробно описал их, включая металлические коронки зубов т.д. К слову, сказать чемоданы опознали еще несколько таксистов, которые в отличие от упомянутого таксиста описали другие отличные примета пассажиров, противоречащие его показаниям. Через несколько месяцев упомянутый таксист — свидетель после смены ехал в метро. Напротив него в вагоне сидел странно выглядевший высокий (около 190 см.) человек лет 30 в очень короткой дубленке.

Внезапно свидетелю показалось, что этот человек был в числе пассажиров, которые привезли на вокзал чемоданы. Он вышел следом за этим пассажиром на станции и заявил первому же милиционеру, что тот является убийцей. Милиционер задержал пассажира, который оказался инженером Камузом. Во время первого допроса задержанному было предложено пояснить, где он находился вечером, когда пропала девочка. Задержанный заявил, что в этот вечер примерно три месяца назад он был в гостях у своей бывшей подруги. Та же не подтвердила его показания, сказав, что в этот вечер она работала, а он был у нее в гостях в другой вечер с разницей в 2-3 дня. Повторяем, что речь шла о событиях происходивших примерно три месяца назад.

Следствие игнорировало и возможность ошибки в связи с давностью события и противоречия в показаниях свидетеля (рост, возраст и т.д.) и организовало на Камуза тяжелейшее психологическое воздействие, которое одновременно сопровождалось физическими избиениями со стороны сокамерников, которые оказались проинформированы (не Камузом), в чем он подозревается.

В результате у Камуза было получено признание в изнасиловании и убийстве, от которого он впоследствии отказался, что не помешало Московскому городскому суду при практическом отсутствии других доказательств кроме бывшего признания приговорить его к расстрелу.

Только адвокатский талант Генриха Рубежова позволил остановить произвол и добиться отмены смертного приговора и снятия обвинения с Камуза. Правда, по обычаям того советского времени (середина 80-х годов) для оправдания 4-х лет, проведенных Камузом в тюрьме, его осудили по новому надуманному обвинению в хулиганстве за вполне безобидный конфликт, который у него когда-то давно случился на работе. К огромному сожалению, адвокат Генрих Рубежов безвременно ушел из жизни и не успел добиться оправдания Камуза по делу о якобы хулиганстве.

Автор-составитель этой брошюры после кончины Генриха Рубежова принимал участие в придании гласности делу Камуза и появлению публикаций в «Литературной газете», в результате активной позиции журналистов которой дело о хулиганстве, прикрывавшее незаконность содержания Камуза под стражей, было пересмотрено со снятием с него этих последних надуманных обвинений. К сожалению, при передаче в редакцию «Литературной газеты» адвокатского досье по делу Камуза был утрачен текст единственного экземпляра выдающейся судебной речи Генриха Рубежова, которая могла бы быть образцом адвокатского ораторского искусства.

Приведенное дело показывает, как искажают показания эмоции свидетелей, следователей, физические и психологические пытки подозреваемого. Уже упомянутое привлечение экстрасенсов подчеркивает пример этого уголовного дела в качестве крайних форм абсолютно недопустимого психического воздействия.

Безусловно, недопустимы со стороны следователя ложь и обман. Даже временный успех, достигнутый с помощью таких средств, весьма сомнителен. Если же учесть необходимость воспитательного воздействия следователя, то становится совершенно ясно, что приемы такого рода находятся в резком несоответствии с этическими требованиями и задачами уголовного судопроизводства.

В этой связи рассуждения некоторых практических работников, выступающих в защиту «военных хитростей», психологических ловушек, содержат опасную неточность. Считая обманом лишь действия, которые имеют низменные цели, служат для получения какой-либо выгоды, они полагают, что коль скоро следователь не извлекает никакой личной выгоды, а преследует благородные общественно-полезные цели, то его действия никогда не могут считаться обманом. Опасность такого толкования состоит в том, что оно по существу может привести к оправданию недостойных средств с ссылкой на благородные цели.

Значимость психологических аспектов фиксации показаний обусловлена прежде всего соображениями общего порядка. Расследование преступлений, как известно, осуществляется путем отыскания, собирания, закрепления, проверки, оценки и использования доказательств для обоснования выводов и решений по делу. Это основное содержание деятельности следователя охватывается понятием доказывания. Судебное доказывание обычно определяется как разновидность процесса познания, т.е. получение истинного представления о чем-либо. Наличие оснований, аргументов, фактов, подтверждающих и позволяющих проверить правильность полученных знаний и выводов, является решающим требованием. Для правосудия необходимы не только истинные, но и достоверные знания о предмете расследования судебного разбирательства. Доказывание придает знаниям характер достоверности. Вместе с тем в процессе

доказывания познание сопровождается специальной деятельностью, удостоверяющей правильность полученных знаний и принятых решений, документально подтверждающей ход и результаты проведенных следственных действий.

Таким образом, расследование, как и весь процесс установления истины по делу, имеет две неразрывно связанные между собой стороны. Во-первых, добывается информация об обстоятельствах расследуемого события. В этом смысле деятельность следователя носит познавательный характер. Во-вторых, установленные обстоятельства дела подтверждаются, документируются, удостоверяются в установленной законом форме. В этом смысле деятельность следователя носит удостоверительный характер.

Законодательство детально регламентирует обе стороны этого процесса, уделив особое внимание средствам документирования, запечатления собранных по делу доказательств. В связи с этим надлежащая фиксация показаний обвиняемого является важнейшей гарантией достижения целей допроса как способа получения доказательств, средства установления истины, выполнения требований объективности, полноты и всесторонности расследования, обеспечения обвиняемому прав на защиту.

Документальное оформление показаний обвиняемого имеет определенные психологические особенности. Дело в том, что процесс формирования любого доказательства складывается из двух стадий, которым соответствует сначала первичное отражение расследуемого события (преступного деяния) в объективной обстановке и в сознании людей, а затем перенос этих отражений в виде сведений о материальных следах или сообщений осведомленных лиц в процессуальные акты лицом, осуществляющим производство по делу.

Первая стадия, строго говоря, не является формированием доказательства как такового, а служит как бы его предысторией, т.е. объективно возникшие и реально существующие материальные и идеальные следы преступления лишь отчасти попадают в поле зрения следователя и становятся судебным доказательством в строгом его значении. В этом смысле доказательство всегда имеет фактическое содержание и процессуальную форму, объективную природу и субъективный характер, поскольку фактические данные обязательно должны быть «ретранслированы» в дело лицом, осуществляющим расследование.

Процессуальная стадия формирования показаний обвиняемого протекает на допросе, когда в сравнительно короткое время с информацией, которой располагает допрашиваемый, происходит множество преобразований: ее истребование следователем, как бы извлечение ее из памяти обвиняемого, ее вербализация и преобразование внутренней речи в устную, затем прием этой информации, т.е. восприятие сказанного следователем, осмысление полученных им сообщений, отбор существенного и фиксация в протоколе в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. В итоге повествование обвиняемого об обстоятельствах расследуемого события и своей роли в нем приобретает форму протокольной записи, превращаясь из воспоминаний о преступлении в судебное доказательство.

Поэтому допрос обвиняемого как способ доказывания не есть просто приобщение «готового» доказательства следователем. Показания представляют собой двойное отражение события преступления — во-первых, некоего фрагмента действительности в сознании допрашиваемого и, во-вторых, полученного сообщения об этом событии в сознании следователя, перенесенное

затем в протокол, т.е. как «отражение отражаемого». Тем самым показание в конечном итоге имеет характер двойного и даже тройного отражения. Отсюда следует, что соответствие показаний действительности находится в прямой зависимости как от предшествовавшей психической деятельности обвиняемого (восприятия, памяти и т.п.), так и от деятельности лица, производящего расследование.

Искажения фактических данных, обусловленные особенностями протекания психических процессов, возможны и при первичном отражении преступного события самим субъектом, и в ходе его последующей психической деятельности, и при воспроизведении происшедшего на допросе, и при восприятии и фиксации этих объяснений следователем.

Поэтому было бы слишком упрощенным рассматривать допрос как простое «движение информации» от допрашиваемого к допрашивающему, передачу ее как бы «из рук в руки». При допросе информация не только передается, но и формируется или деформируется, уточняется и развивается. В этом принимают активное участие оба партнера.

Изучением следственной и судебной практики и специальными исследованиями установлено, что именно на процессуальной стадии прохождения информации нередко возникают существенные искажения и вытекающие отсюда осложнения.

Особое значение этой стадии обусловлено психическими процессами, которые включаются дополнительно после вовлечения лица в сферу уголовного судопроизводства, а главное — включением следователя в процесс формирования показаний, когда в нем принимают участие как допрашиваемый, так и допрашивающий. И от допрашивающего в значительной мере зависит доброкачественность возникающего при этом доказательства. Сказанное не означает будто доказательство целиком «создается» следователем. Однако полнота выявления, отбора и процессуального запечатления сообщаемых фактических данных полностью зависит от него.

С учетом особой роли обвиняемого и его допроса сказанным выше подчеркивается значимость элементарной, на первый взгляд, операции составления протокола. Ее психологическая сложность зачастую недооценивается, на практике сводится к технике протоколирования. Между тем на данном этапе допроса происходит очень существенное преобразование устного сообщения в письменную речь, фиксируемую протоколом. Этот процесс регламентирован общими требованиями к протоколам следственных действий и специальными указаниями о порядке фиксации результатов обвиняемого.

Психологическая особенность заключается в том, что преобразование устной речи в письменную производится, как правило, не непосредственно обвиняемым, а опосредованно: устное сообщение допрашиваемого переосмысливается следователем, соотносится с информацией, полученной из других источников, вычленяются данные, относящиеся к делу, затем они излагаются в письменном виде от имени обвиняемого в первом лице, хотя зафиксированы они «со слов», первоначально адресованных лицу, производящему допрос. Поэтому опасность заключается в том, что следователь может неправильно и неточно передать в протоколе сообщения, хорошо понятные в живом диалогическом общении.

Как известно, допрос обвиняемого имеет две обязательные формы: во-первых, свободный рассказ, содержащий объяснения обвиняемого по существу

предъявленного обвинения и иным обстоятельствам, имеющим значение для дела, и, во-вторых, вопросно-ответную форму, которая содержит сообщения допрашиваемого, конкретизирующие, детализирующие, аргументирующие высказанные им положения, и разъяснения по поводу предъявленных ему доказательств.

Неразделимая фиксация этих форм трудновыполнима, поскольку свободный рассказ почти никогда не бывает монологичным. Обычно следователь прибегает к делению темы свободного рассказа, по ходу изложения подает реплики, просит осветить некоторые обстоятельства подробнее, попутно ставит уточняющие вопросы. Нередко возникает необходимость посвятить тому или иному вопросу или отдельному факту специальный допрос.

Максимально возможное отражение в протоколе фактического хода допроса весьма желательно для понимания тенденций и позиции обвиняемого, оценки его показаний. На практике происходит протоколирование: 1) по окончании устного допроса; 2) одновременно с допросом; 3) по отдельным этапам допроса.

Первый способ хорош тем, что допрос идет непрерывно, следователь не отвлекается от собеседования с допрашиваемым. Но это требует отличной памяти, солидного опыта и связан с риском упустить что-то важное для дела. Здесь помогают краткие памятные заметки по ходу дела.

Фиксация параллельно с устным изложением повышает полноту и точность записи. Протокол бывает лучше, но допрос хуже. Производство записи одновременно с допросом неблагоприятно влияет на допрашиваемого, отвлекает следователя, нарушает контакт между ним и подсудимым.

Запись по отдельным этапам (эпизодам, вопросам) является компромиссом между первым и вторым способами, позволяет использовать их достоинства, но далека от совершенства, сохраняет некоторые существенные недостатки. В протоколе все-таки не вполне отражаются все перипетии допроса.

Криминалистикой и уголовным процессом разработаны методы фиксации доказательства, правила протоколирования различных следственных действий. Вообще документирование не только способ сохранения и передачи информации, но и средство контроля, надзора, обеспечения законности.

Поскольку процессуальные акты — это источник доказательств, следователю необходима солидная подготовка в области документирования. Он должен быть подлинным мастером слова в своей области. С этой целью дают ощутимые плоды постоянные упражнения в точной передаче чужой речи в полном, ясном, правильном и последовательном описании событий и предметов, регулярный критический разбор составляемых документов. Это тем более необходимо, так как установленная процедура протоколирования и существующие на этот счет рекомендации сами по себе не содержат достаточно надежных психологических гарантий.

Наиболее распространенным и самым существенным недостатком является неполнота протокола, потеря существенной информации в результате действия ряда психологических факторов.

Прежде всего, это предвзятость, тенденциозность, односторонность, вследствие чего у допрашиваемого возникает барьер невосприимчивости, своеобразная слепоглухота в отношении фактов и аргументов, идущих вразрез выбранной версии. Иногда это стремление «пригладить» показания, чтобы избежать нежелательных следователю осложнений — проведения

дополнительной работы по проверке высказанных обвиняемым соображений и доводов. Зачастую «потери» в протоколе возникают в силу непредусмотрительного решения вопроса об относительности, т.е. признании высказанных обвиняемым положений несущественными, не имеющими значения для дела, тогда как проницательный и вдумчивый следователь фиксирует кажущиеся мелочи и второстепенные детали, зная, что они в дальнейшем, может быть, послужат существенными доказательствами.

Вообще, если в момент допроса нельзя доподлинно решить, что высказанное обвиняемым положение не имеет значения, оно подлежит фиксации, сколь сомнительной и отдаленной не казалась бы связь данного обстоятельства с делом. Нужно помнить, что такие данные, способные сыграть важную роль, могут быть безвозвратно утрачены, их нельзя будет восстановить последующим допросом.

Протокол допроса обвиняемого — это документ особого жанра, к языку и стилю которого предъявляются специфические требования. При составлении протоколов допроса, в которых фиксируется живая речь обвиняемого, перед следователем возникает нелегкая задача: запечатлеть полученные сообщения, как требует закон, «по возможности дословно». Давно уже замечено, что на практике встречаются «стилизированные» протоколы, в которых все говорят одинаково. Это происходит потому, что для профессионального языка многих юристов свойственно использование словесных шаблонов и клише. В нем до сих пор ощутимо влияние казенного стиля, доставшегося нам в наследие от канцелярий присутственных мест. И это отрицательно сказывается на понимании всего происходящего в процессе расследования, а иногда приводит к печальным ошибкам.

Следователь подчас произвольно вкладывает в уста допрашиваемых свою собственную, несвойственную им речь. Такое несоответствие дискредитирует материалы расследования, снижает их доказательную ценность. Поэтому при составлении протокола перед следователем стоит не столько техническая, сколько творческая задача сохранить в письменных показаниях как содержание, так и особенности речевой формы устного сообщения. В устной речи многое заменяется и возмещается ситуацией общения и взаимным восприятием собеседников. В протоколе же невербальные компоненты должны быть выражены и зафиксированы в словах. С этим связаны грамматическая усложненность письменного текста и более строгое следование нормам литературного языка. При таком переложении смысла показаний не исключено ошибочное истолкование сказанного.

Некоторые особенности и отличия устной и письменной речи позволяют иногда распознать ложные показания, которые воспроизводят ранее заученный текст, произносимый «как по писаному».

Уметь излагать чужие мысли для следователя важно. Между тем язык следователя подчас бывает недостаточно гибок, чтобы приноровиться к разнообразным ситуациям расследования, предмету допроса и индивидуальным особенностям допрашиваемого. Отсюда вытекает необходимость безупречного знания языка, на котором ведется судопроизводство, и высокого совершенства владения речью.

Нельзя не отметить, что ответственный допрос отнимает много психических сил у следователя. Нервное напряжение и сильные переживания, испытываемые в ходе следственного действия, подчас истощают его энергию, и

при составлении протокола наступает реакция, известное равнодушие к полноте и точности изложения. Более того, чем интенсивней и продуктивней проходило следственное действие, тем скорее хочется покончить с письменным изложением его результатов. Протокол подчас кажется обременительной формальностью, а если допрос был особенно успешным, создается иллюзия ненужности длинных описаний ввиду ясности и очевидности происшедшего. В итоге протокол не исчерпывает добытых данных, не отражает всего происходившего на допросе.

Конечно, все протоколы должны быть прочитаны и подписаны участниками следственного действия, но поспешность, волнение, утомление, застенчивость и доверие к следователю как непогрешимому специалисту зачастую препятствуют внесению необходимых поправок.

Ввиду действия всех этих факторов требуется чрезвычайно внимательный контроль при заключительном оформлении протокола как со стороны следователя, так и со стороны подследственного, которому должна быть предоставлена возможность тщательно ознакомиться и внести необходимые исправления и дополнения в протокол. Наличие заверенных поправок отнюдь «не портит» документа, а скорее свидетельствует о внимательном отношении к его составлению и подписанию.

Значительно повышает полноту и точность фиксации показаний обвиняемого выполнение при допросе различных графических изображений, которые являются составной частью протокола или приложением к нему. Начертанная допрашиваемым схема места происшествия, показанный на плане путь передвижения или расположение участников расследуемого события и самого обвиняемого, отмеченные им на схеме местные предметы, их рисунок и другие подобные моменты, подчас с трудом понимаемые в словесном описании, при такой наглядной демонстрации служат не только оживлению памяти, но и облегчают восприятие сказанного, выявляют несуразности несоответствия их объективной обстановке. Возникает дополнительная возможность корректировки ошибочных и опровержения ложных утверждений.

Еще раз напомним, что протоколирование не просто техническая операция по описанию хода и результатов данного следственного действия. Протокол служит источником доказательств, и от его качества зависит возможность использовать установленные данные в ходе дальнейшего расследования и судебного разбирательства. Таким образом, правильная фиксация, документирование результатов допроса приобретают не меньшее значение, чем качество самого этого действия.

Обвиняемый, отрицающий вину, может все-таки оказаться правым даже в случаях, когда его показания противоречат многим имеющимся в деле уликам. Поспешив объявить противником отрицающего вину обвиняемого, следователь рискует вести "войну" против добросовестного невинного человека.

Обвиняемый и подозреваемый пользуются привилегией молчания и свободой давать любые показания, правдивые или ложные. Недопустимы любые методы воздействия на обвиняемого, имеющие целью получить показания вопреки его доброй воле. Всякого рода угрозы, направленные на получение у обвиняемого признания и показаний, — недопустимое средство психического принуждения, лишаящее полученные таким путем показания доказательственной силы. Неприемлемо и обещание смягчить наказание, если обвиняемый признает себя виновным. Следователь не знает, какое наказание назначит суд. Недопустимы угрозы ухудшить режим содержания под стражей

или обещание улучшить этот режим в зависимости от того, дает ли обвиняемый показания и являются ли эти показания, по мнению следователя, правильными. Режим содержания арестованных в следственных изоляторах никоим образом не зависит от данных ими показаний.

Разрешение свидания арестованного обвиняемого с близкими ему людьми, изменение содержания под стражей на другую меру пресечения не могут быть использованы в качестве средства психологического воздействия на обвиняемого с целью побудить его признать свою вину, дать показания против себя, разоблачить соучастников.

Не следует забывать, что и невинные люди ради свидания с близкими и освобождения из-под стражи могут признать себя виновными и оговорить других лиц.

Если при кратковременном задержании следователь в течение всего времени задержания не сообщает близким родственникам о факте задержания и, следовательно, судьбе задержанного, то стремление избавить своих близких от волнений и нервных потрясений, связанных с его поисками, может привести к самоговору задержанного в обмен на обещание известить родственников. Такая ситуация явно является пыткой.

Допросы в ночное время тягостны для обвиняемых и других лиц, чьи показания необходимы для дела. Проведение таких допросов может стать способом психологического давления на обвиняемых и других допрашиваемых лиц с целью получения от них показаний, угодных следствию. Поэтому закон установил запрет на проведение ночью допросов обвиняемых, а также обысков и выемок. Закон содержит оговорку: проведение допросов обвиняемых в ночное время допускается лишь в исключительных случаях.

Закон не устанавливает максимальную продолжительность допроса обвиняемого. Несомненно, однако, что очень длительные допросы могут стать способом психического насилия над личностью обвиняемого. Длительный допрос парализует волю, притупляет внимание, вызывает апатию. Это особенно опасно при допросах несовершеннолетних. По данным психологов, внимание детей и подростков на допросе может быть достаточно сосредоточенным в течение очень короткого времени: например, в возрасте 5–7 лет — до 15 минут, 7–10 лет — 20 минут, 10–12 лет — до 25 минут, свыше 12 лет — до 30 минут. Эти цифры свидетельствуют об особой опасности длительных допросов несовершеннолетних, результатом которых могут быть неправильные показания, оговор и самоговор. Допрос Валерия Маслова (помните дело в Конституционном Суде) в 1997 году в Санкт-Петербурге продолжался 16 часов подряд. Совершенно очевидно, что такую интенсивность допроса без потери для качества показаний и без перегрузки нервной системы не может выдержать любой взрослый человек со здоровой психикой. Поэтому будет не противоречить, а наоборот соответствовать конституционным требованиям о защите прав допрашиваемого по истечении нескольких часов допроса о перерыве в ходе допроса, либо вообще о перенесении оставшейся части допроса на другой день, если допрашиваемый испытывает усталость и появляются признаки переутомления.

Законодательство не ограничивает время допроса в дневное время, что на практике приводит к многочасовым допросам, да еще с участием нескольких следователей или дознавателей. Возможности взрослых, особенно женщин, пожилых людей и людей с недостаточно устойчивой психикой также весьма

лимитированы с точки зрения длительности внимания и сосредоточения, необходимых для дачи точных показаний. Человек с нормальной психикой также не в состоянии слишком долго без ущерба для качества своих показаний находиться в напряженной обстановке допроса. Тактике взятия подследственного или свидетеля «на измор» должна быть дана самая отрицательная оценка, а граждане вправе заявлять (лучше с собственноручной записью в протокол допроса) о своей усталости и просить о перерыве либо прекращении допроса на этот день.

Способом психического давления на допрашиваемого может стать допрос с привлечением оперативных работников милиции или нескольких следователей. Допрос, осуществляемый группой лиц, ставит обвиняемого в затруднительное положение. Он вынужден противостоять психическому воздействию сразу нескольких допрашивающих. Отвечая на их вопросы, обвиняемый не имеет достаточного времени, чтобы обдумывать свои ответы. В этих условиях трудно расположить обвиняемого к откровенности. Зато велика вероятность получения под влиянием допрашивающих показаний, которые, с их точки зрения, являются правильными, а на самом деле могут быть связаны с самооговором и сговором.

В криминалистической литературе содержится много рекомендаций следователю о том, как установить контакт с обвиняемым. В этих рекомендациях много спорного и ошибочного. Допрашиваемый вовсе не обязан вступать со следователем в разговоры на отвлеченные темы. Более того, задержанного и обвиняемого следовало бы всегда до начала допроса ставить в известность о том, что он имеет право на молчание и в соответствии со своим процессуальным положением может отказаться давать показания. Предмет допроса обвиняемого строго определен законом. Беседы о жизни, спорте и т.д. рассчитаны на обвиняемых, плохо знающих свои права. Они имеют право отказаться от ведения подобных бесед, поскольку таковые не имеют отношения к уголовному делу. Закон делит допрос на свободное изложение обвиняемым своих показаний и ответы на вопросы следователя по существу дела, не оставляя места для бесед с обвиняемым на отвлеченные темы. Нельзя перебивать обвиняемого, заставляя его переключаться на беседу непроцессуального характера, а затем снова возвращаться к изложению показаний. Такого рода посторонние разговоры нужны следователю для того, чтобы добиться расположения и вызвать обвиняемого на откровенность.

Нужно иметь в виду, что предъявление уличающих доказательств вызывает сильное эмоциональное напряжение как у виновного, так и у невиновного обвиняемого. Виновный испытывает страх перед разоблачением, а невиновный — горечь, бессилие и обиду от того, что с помощью тенденциозно подобранных доказательств его пытаются изобличить в преступлении, которое он на самом деле не совершал. В обоих случаях обвиняемый может признать себя виновным. Такое признание следователь обычно воспринимает с удовлетворением: именно ради него и нагнеталась напряженность, но истолковать однозначно нельзя, так как признаться мог и невиновный. После получения признания предстоит еще большая работа по собиранию дополнительных обстоятельств, подтверждающих или опровергающих признание. Оценивая признание, полученное под влиянием сильного душевного волнения, следователь должен иметь в виду, что лицо, действительно виновное в совершении преступления, как правило, может сообщить дополнительные

сведения, подкрепляющие признания, тогда как невиновный, естественно, не может привести доказательств своей невиновности.

Наиболее опасный и совершенно недопустимый метод разжигания конфликта — это внушение одному из обвиняемых мысли, что его роль в совершении преступления незначительна, и потому ему будет назначена чисто символическая мера наказания при условии, что он расскажет «правду» о преступной деятельности своего соучастника. В противном же случае, разъясняют ему, соучастник сделает то же самое и тогда его положение станет безвыходным. Слабовольный человек может поддаться такому внушению, особенно если речь идет о совершении тяжкого преступления. Но укрепление воли признавшегося обвиняемого перед очной ставкой с другим обвиняемым, отрицающим свою вину, есть самый настоящий обвинительный уклон, связанный с недопустимым психологическим нажимом на одного из участников процесса. Такое психологическое воздействие недопустимо и в ходе проведения очной ставки. Нельзя допускать, чтобы следователь находился как бы в тайном сговоре с одним из участников очной ставки, направленном на изобличение другого его участника.

Общим для некоторых рассмотренных приемов является стремление вытеснить логическое психологическим, нагнетать психическую напряженность, дезорганизовать мышление обвиняемого, довести его до стрессового состояния и, воспользовавшись этим, вынудить его дать определенные показания, а иными словами, признаться.

Во имя достижения этой цели следователь, не собравший достаточных доказательств виновности, может, конечно, пойти на усложнение допроса обвиняемого и всего последующего производства по делу видеозаписью. Для такого следователя важно, чтобы признание обвиняемого оставалось в цепи его доказательств. Откажись обвиняемый от признания — и эта цепь разорвется, обвиняемый будет оправдан. Если следователь собрал достаточно доказательств виновности и не опасается того, что обвиняемый откажется от своих показаний в суде, то надобность в применении видеозаписи отпадает. Обвиняемый, от которого было получено признание, может быть и невиновен. Но признание, будучи записано на видеомagneтофон, приобретает почти решающее значение.

Звукозапись показаний обвиняемого рассчитана на известные отступления от принципов устности и непосредственности судебного разбирательства. Расчет делается на то, что суд положит в основу приговора видеозапись, сделанную на предварительном следствии, и не примет во внимание показания живого человека, данные в судебном заседании. Получается, что оглашения протокола допросов в суде недостаточно. Вводится как бы дополнительная улика, рассчитанная преимущественно на эмоциональное воздействие, — голос обвиняемого с видеоленты заглушает голос того же человека в суде. В применении видеозаписи для фиксации показаний обвиняемого нельзя не видеть чего-то искусственного. На многих допросах обвиняемый отрицает свою вину и видеозапись не ведется, чтобы не закреплять его негативную позицию. Но вот обвиняемый признал свою вину и дал соответствующие показания (пока еще без применения видеозаписи). Далее у следователя возникает мысль «закрепить «признание», поскольку других фактов недостаточно для вывода о виновности, и он обращается к видеомagneтофону. На магнитную ленту записывается не само признание в непосредственном виде, а его повторение, т.е. как бы отрепетированное признание, предназначенное специально для видеозаписи.

Поэтому голос обвиняемого, записанный на магнитофон, воспроизводит уже заученные фразы, произнесенные при первом допросе, когда было получено признание. Видеозапись показаний сознавшегося обвиняемого нередко используется как средство психологического давления на других, не сознавшихся обвиняемых при воспроизведении ее взамен очной ставки.

Следует иметь в виду: запись показаний лишь подтверждает, что они даны следователю, но вовсе не доказывает их истинность, она не может служить средством психического принуждения к даче определенных показаний. Все изложенное относится и к свидетелям, показания которых следователь записал на магнитофон.

Современные технические средства — звукозапись, фотографирование, видеосъемки — стали применяться при проведении следственных экспериментов, осмотров, опознания и даже допросов. В целом это, конечно, положительная тенденция, но на ее фоне кажутся неприемлемыми случаи использования научно-технических средств в целях психологического давления на обвиняемого и других участников процесса.

Видеосъемка допроса применяется для того, чтобы суд мог убедиться, что обвиняемый давал показания добровольно, без всякого принуждения. Никакой доказательственной информации видеосъемка допроса не содержит, зато отвлекает внимание допрашиваемого и допрашивающего, мешает им вступить в контакт, сосредоточиться. Видеосъемка допроса не является достаточной гарантией законности на предварительном следствии, поскольку нарушения ее, если они были, остались за кадром.

Часто проверка показаний сводится к тому, что сначала следователь обнаруживает вещественные доказательства, становится известным (из других источников) место происшествия и т.д., а затем обвиняемый, признав себя виновным, указывает место происшествия, место, где были спрятаны вещественные доказательства, и с помощью фотографии и видеозаписи запечатлеваются на данном месте. Совпадение показаний, данных на месте, и сведений об этом месте, зафиксированных в ранее составленном протоколе осмотра, на практике, да и в теории, рассматривается как серьезное обвинительное доказательство. Однако нетрудно заметить, что этот вариант «проверки на месте» далеко не всегда обеспечивает получение достоверного результата. Он подтверждает обстоятельства, уже известные следователю, оперативным работникам, а нередко и населению.

Впечатление же от указания обвиняемым места, где ранее обнаружили труп, нашли спрятанные вещи и т.д., огромное. Эмоциональное воздействие этой улики на суд и публику настолько велико, что подчас не придают значения имеющимся в деле пробелам и противоречиям в доказательственном материале. Сам обвиняемый, даже невиновный, оказывается психологически скованным «выходом на место». В случае отказа от показаний на него ложится бремя опровержений, результатов «выхода», порой непосильное. Создается опасность осуждения невиновного. Например, по делу об убийстве признавшийся в преступлении . «безошибочно» показал улицу и дом, возле которого было совершено убийство, воспроизвел обстоятельства преступления, причем его показания совпали с объективными данными, указанными в протоколе осмотра места происшествия. В дальнейшем было установлено, что обвиняемый знал место происшествия и обстоятельства убийства от следователя, а также из

материалов уголовного дела и к преступлению не имел никакого отношения. Через много лет после убийства был установлен подлинный убийца.

В практике известного московского адвоката Генриха Падвы было дело, когда мужа задержали по подозрению в убийстве своей жены и четырехлетнего ребенка, которых он обнаружил мертвыми по возвращению с работы. Человек был настолько потрясен происшедшим, а затем еще и тем, что его в этом подозревают, что он попал в состояние тяжелейшего стресса. Чтобы как то успокоиться он просил у допрашивающих его спиртное, которое эти должностные лица МВД поставляли ему в неограниченных количества, одновременно убеждая признаться. К нему на свидание не пускали его родителей, но при этом сообщали подозреваемому, что родители не приходят так как уверены, что убийство совершил он и не хотят его видеть пока он не покается в содеянном. Сломленный подозреваемый в пьяном виде подписал признание, от которого в последствии отказался. Тем не менее, до того момента, пока адвокат добился его оправдания, прошло 4 года и он вышел из тюрьмы с открытой формой туберкулеза. Это уголовное дело рассматривалось в числе других на заседании Конституционного Суда РФ при обсуждении вопроса о применении смертной казни в России.

Опасность осуждения к смерти невинного является одним из важнейших мотивов против применения смертной казни. В американском штате Техас смертные приговоры не редкость, как и в десятках других штатов, но, в отличие от других, так они в значительном числе случаев приводятся в исполнение. Так вот, как заявил на заседании Конгресса США 22 июня 2000 года член Палаты Представителей от Техаса К.Гонзалес, власти штата дали указание провести везде, где для этого существует возможность, дополнительные экспертизы, например биологическую экспертизу на ДНК, по всем делам, по которым осужденные ожидают исполнения смертного приговора и, естественно, состоялись уже все судебные решения всех инстанций и отказ в помиловании. Эта предосторожность связана с опасением привести смертный приговор в исполнение в отношении невиновного. Начинаются же такие дела с ложного признания, самооговора в результате психологического давления. **Впрочем, не надо обращаться к американским примерам. Газета «Московский Комсомолец» в июле 2000 года написала о деле, где несколько убийств одного московского маньяка сначала приписали группе подростков, младшему из которых было 11 лет, а затем другому серийному маньяку, который взял на себя убийство «коллеги». В результате поиски преступника были прекращены и, он сумел совершить еще несколько убийств.**

Следует помнить о правильном понимании значения слов:

смысл сказанного может быть различен для допрашивающего и допрашиваемого. Ошибки на данной стадии возможны в результате применения собеседниками малоизвестных терминов, оборотов, синонимов со значениями разных оттенков. Следователь должен ясно и недвусмысленно понимать, что именно имеет в виду обвиняемый, перепроверяя правильность своего понимания в ходе допроса путем дублирующих, повторных, контрольных вопросов. Вообще, опасность неправильного понимания следователем своего собеседника отнюдь не мнимая. Изучение практики позволяет констатировать, что одним из самых распространенных объяснений причин изменения и корректировки ранее данных показаний является ссылка свидетелей на то, что следователь неправильно понял

и неточно записал их слова, причем эти заявления постоянно исходят от добросовестных и никак не заинтересованных в деле лиц. Действительно, ошибки вкрадываются в результате того, что следователь чего-то не расслышал или что-то понял не так, а поспешность или увлеченность определенной версией помешали ему своевременно выявить и устранить это недоразумение. Неправильное понимание допрашиваемого подчас возникает в силу недостаточной осведомленности следователя в специальных вопросах, подлежащих выяснению, например, при исследовании обстоятельств, связанных с технологией производства, техникой безопасности, бухгалтерским учетом и т.п. Наиболее вероятна опасность ошибок с той и другой стороны при допросе через переводчика. Еще более вероятна ошибка при допросе глухонемых, которые изъясняются жестами, мимикой. Здесь устраняется возможность непосредственного контроля за правильностью понимания свидетелем состоявшегося разговора, ибо то, что доходит до допрашиваемого и фиксируется в протоколе дважды при помощи переводчика, меняет свою форму — языка слов на язык жестов и наоборот. Вот на таких допросах видеозапись может быть полезна.

Известно, что допрашивать неоднократно свидетелей приходится при расследовании ранее не раскрытых преступлений, по так называемым «старым» делам, при проверке вновь возникшей версии, по вновь открывшимся обстоятельствам дела и т.д. В связи с этим практический интерес приобретает вопрос о психологических ресурсах допрашиваемых людей (пределы долгосрочного запечатления и длительности сохранения в памяти воспринятого события, устойчивость воспоминаний во времени, динамика отсроченного воспроизведения, возможность их оживления и восстановления забытого материала и т.д.). Психологами и юристами неоднократно делались попытки определить влияние длительности временного интервала на полноту и достоверность свидетельской информации. Исследования показали, что только в течение трех недель информация сохраняется без изменений. По одному из дел 6 свидетелей-очевидцев через год не смогли опознать преступника. Характерно, что ошибки, допущенные на первом допросе, сохраняются и при последующих описаниях. Замечено, что материал, воспроизведенный на первом допросе, может накладываться на реальное восприятие и свидетель становится неспособным различить их. Следовательно, искажения, возникающие на ранней стадии следствия, могут повторяться в процессе дальнейших допросов, они довольно прочно связываются с материалом, который, как убежден свидетель, является частью его действительного восприятия. Поэтому, чтобы не побуждать свидетеля к механическому повторению первичных показаний, исключающему различные дополнения и уточнения, следователь не должен начинать повторный допрос с вопроса, подтверждает ли свидетель ранее данные показания, или предложения повторить их. Подобная неправильная практика встречается по многим уголовным делам.

При осуществлении защиты на следствии адвокаты должны быть очень принципиальными и непримиримыми к применению незаконного психического принуждения и принимать все возможные меры для предотвращения следственных ошибок.

Граждане же, оказавшись в ситуации допрашиваемых должны знать о способах необоснованного психического давления со стороны представителей власти и по возможности противодействовать такому давлению.

ПРИМЕНЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПО АВТОТРАНСПОРТНЫМ ДЕЛАМ

В последние годы внедрение новейших достижений психологии в уголовный процесс становится все более актуальной задачей. Нередко судебно-психиатрические экспертизы назначаются судами по ходатайствам адвокатов, однако использование психологических знаний адвокатами нельзя сводить только к ходатайствам о назначении судебно-психиатрической экспертизы. Адвокату следует хорошо знать достижения психологии, связанные с выяснением заведомых либо произвольных ошибок свидетелей, а также неправильным учетом психологических особенностей восприятия при оценке показаний.

По инициативе Московского общественного НИИ судебной защиты и редакции «Психологического журнала» был проведен «круглый стол» с участием адвокатов девяти коллегий страны, психологов, ведущих специалистов по безопасности движения, материалы которого были опубликованы на страницах этого журнала. В ходе обсуждения на «круглом столе» было высказано единодушное мнение о невозможности правильного решения дел, связанных с авариями на автомобильном транспорте без широкого использования новейших достижений психологической науки.

Материалы обобщения практики свидетельствуют о том, что по автотранспортным делам чаще решается вопрос, что должен был сделать водитель по предотвращению аварии без учета их индивидуальных психологических особенностей (время реакции и т.д.). В результате встречается немало необоснованных привлечений граждан к уголовной ответственности по этой категории дел.

К водителю автотранспортного средства совершенно правильно предъявляются повышенные требования с точки зрения обеспечения безопасности движения. Но эти требования не должны быть несоответствующими его реальным возможностям. На это, в первую очередь, должен обратить внимание следователь и адвокат. Для правильного определения причин происшествия и доли вины водителя недостаточно одной технической оценки дорожных условий. Следует подходить также с позиций психологии и физиологии водителя. Нельзя забывать о том, что время реакции водителя зависит как от дорожной ситуации, так и от особенностей его личности, физического состояния в момент дорожно-транспортного происшествия (ДТП).

Расследование причин происшествий, связанных с управлением современной техникой, не может оставить в стороне выяснение роли психологического фактора в их возникновении.

На практике при изучении, например, причин автотехнических происшествий чаще всего основное внимание уделяется выяснению их технических компонентов, человек же выступает в этих исследованиях нередко как лишённая индивидуальности усреднённая статистическая единица.

Тем не менее адвокатам необходимо ориентироваться на принципиальную возможность проведения экспертных психологических исследований по делам о транспортных происшествиях, а также на расширение собственных знаний в области психологии.

Организация автотехнической экспертизы без участия специалистов в области психологии приводит к крайней схематизации и поверхностной

физиологизации исследования внутренних, психических механизмов человеческого поведения. Человеку, управляющему современным скоростным транспортом, часто приходится действовать в условиях лимита и даже дефицита времени.

Очень часто шофер оказывается перед необходимостью принимать и реализовывать оптимальное, возможно даже единственное, решение. Например, водитель автомобиля, двигающегося со скоростью 50–60 км/ч, замечает выбежавшего на близком расстоянии на проезжую часть улицы пешехода. В сложившейся ситуации у водителя имеется несколько возможностей предотвратить наезд на пешехода: он может круто повернуть рулевое колесо и объехать пешехода, может резко нажать на тормоз, чтобы остановить автомобиль, может одновременно сделать и то и другое. Выбор любого из них осложняется тем, что он может быть сделан только с учетом дополнительной информации: расстояния до пешехода, состояния дороги, интенсивности движения автотранспорта и пр. Предположим, что растерявшийся пешеход начнет метаться перед приближающимся автомобилем. Каждое его перемещение меняет ситуацию, и в каждой новой ситуации имеются уже иные альтернативы поведения, из которых шофер должен сделать выбор в условиях все возрастающего дефицита времени.

Разумеется, в подобном случае поведение водителя автомобиля, его реакция на происходящее могут рассматриваться только как физиологический процесс: налицо необходимость в короткое время сделать сознательный выбор, т.е. решить довольно сложную мыслительную задачу.

Адвокату следует иметь в виду, что в данное время ВНИИ судебных экспертиз предложены значения времени реакции водителя в зависимости от сложных дорожно-транспортных ситуаций от 0,6 до 1,4 с. В некоторых случаях выводу, более благоприятному для водителя, соответствует не большее, а меньшее время реакции. Защитнику следует помнить, что вышеприведенные методические данные о времени реакции поставлены в зависимость от особенностей дорожной обстановки.

Как показали проведенные исследования, во многих случаях отмечается прямая зависимость индивидуальной психологической характеристики водителя и надежности управления им транспортным средством. Индивидуальное время реакции водителя устанавливается в процессе производства судебно-психологической экспертизы, которая, кроме того, дает психологическую характеристику водителя и помогает установить причину происшествия. Экспертная психологическая характеристика водителя может помочь суду не только в правильном решении вопросов о виновности или невиновности и мере основного наказания, но и при определении необходимости и продолжительности такой дополнительной меры наказания, как лишение водительских прав.

Адвокату необходимо следить за новейшими исследованиями и разработками в области психологии. Так, психологами разработаны сравнительные характеристики условий деятельности, особенностей и возможностей пешеходов и водителей, из которых видно, что у пешехода возможности по предотвращению ДТП в 15–30 раз выше, чем у водителей, так как он лучше может обзирать местность и быстрее реагировать.

Основными участниками, определяющими условия дорожного движения, являются водители и пешеходы. Существуют глубокие различия между

условиями, в которых они находятся, имея примерно равные психофизиологические характеристики (остроту зрения, скорость реакции, способность к прогнозированию и т.д.). Скорость движения водителя в автомобиле в отдельных случаях в 15–30 раз больше скорости пешехода. Соответственно возрастает и скорость поступления информации к водителю. Временами возникает информационная перегрузка, утомление, и водитель пропускает чрезвычайно важные сигналы. Пешеход, как правило, в состоянии регулировать самостоятельно количество поступающей к нему информации, уменьшая скорость своего движения или мгновенно останавливаясь; водитель же в транспортном потоке часто лишен этой возможности и оказывается в напряженных ситуациях.

Пешеход имеет больше возможности беречь себя от столкновений, так как периметр транспортного средства не менее чем в 10 раз выше, чем у пешехода. Если к этому добавить, что возможности управления своим телом у пешехода выше, чем у водителя, то будет понятна сложность задачи, стоящей перед водителем по обеспечению безопасности при управлении автомобилем. Адвокату очень важно по делам этой категории наглядно показать суду сложность ситуации, с которой столкнулся водитель. Следует помнить, что в особенности восприятия водителем обстоятельств ДТП входит, например, заведомая неправильность определения расстояния до препятствия на дороге.

Большую часть автотранспортных происшествий составляют столкновения автомобилей. Причем следует учесть, что такие важные обстоятельства, как скорость и расстояние, в этих случаях выясняются в основном со слов водителей. Их показания на этот счет считаются достаточно точными. Однако знакомство с психологическими исследованиями позволит адвокату в ряде случаев оспорить точность таких показаний.

Экспериментально установлено, что водители автомобилей самостоятельно, без посторонней помощи, с большой погрешностью определяют визуально ряд важных параметров дорожной обстановки, в том числе дистанцию и скорость автомобилей, движущихся во встречном и перекрестном направлениях. Причем ускорение с расстояния 200 м и более визуально вообще не воспринимается.

Опыты показали, что при условии, когда водителю не предстоит обгон, преобладают заниженные на 15–20% оценки и завышенные на 20–30% оценки расстояния до встречного автомобиля.

Установлено также, что подготовка к выполнению маневра обгона существенно влияет на оценку параметров движения встречного автомобиля. Наиболее осторожными водителями скорость встречного автомобиля завышалась в среднем на 10–30%, а дистанция до него занижалась на 15–25%. Степень искажения зависит от скорости движения обгоняемого, своей собственной, модели встречного автомобиля, стажа работы водителя (опыта). Наименьшие искажения воспринимаемых параметров приходятся на случаи, когда скорость обгоняющего намного (на 25% и более) превышает скорость обгоняемого и когда встречный автомобиль — легковой.

При восприятии сигнала периферическим зрением, как это часто бывает у водителей автотранспорта при обгоне одного автомобиля другим, время реакции увеличивается по сравнению с временем реакции на тот же раздражитель, воспринимаемый центральным зрением.

Психологами проверялось также, насколько точно водители оценивают степень безопасности проезда через нерегулируемый перекресток в зависимости от скорости приближающегося справа автомобиля, расстояния до перекрестка, на котором замечен второй автомобиль, расстояния от второго автомобиля до перекрестка.

Эксперименты показали, что водители допускают значительную ошибку в субъективной оценке скорости движения автомобиля, приближающегося к нерегулируемому перекрестку справа, причем при скоростях движения до 60 и выше 100 км/ч скорость занижается, при скоростях от 60 до 100 км/ч — несколько завышается. Субъективная оценка скорости зависит от соотношения типов автомобилей. Особенно опасно сильное субъективное занижение оценки водителями грузовиков скорости приближающегося справа к нерегулируемому перекрестку легкового автомобиля в интервале 40–65 км/ч. Было определено, что водители, как правило, не способны оценить ускорение приближающегося справа автомобиля.

Психологами экспериментально установлено, что водители автомобилей с большой погрешностью (15–30%) определяют ряд важных параметров дорожной обстановки, в том числе дистанцию и скорость автомобилей. Эти данные важны не только для понимания условий и особенностей ДТП, но и для оценки показаний свидетелей.

Причины свидетельских ошибок коренятся в психической деятельности людей, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства. Изучение данной проблематики неизбежно ведет в область судебной психологии. С психологической точки зрения показание свидетеля представляет собой запечатленное в протокольной форме воспроизведение ранее полученных впечатлений, правильность которых зависит от точности и полноты восприятия, способности к их запоминанию, сохранению в памяти и оформлению в речи на допросе. Однако, известно, что все пережитое человеком не хранится пассивно и неизменно в полной готовности к предъявлению в нужный следователю или суду момент. Содержание сознания находится в большой зависимости от последующей психической переработки, и каждое показание имеет свою историю.

Показания обычно даются свидетелем по крайней мере два раза: на предварительном следствии и в суде. К этому нужно добавить участие свидетеля в таких следственных действиях, как очная ставка, опознание, проверка показаний на месте, психологическая природа которых близка к повторному свидетельствованию. Между первым и последующими допросами, а также на самом последующем допросе действуют психологические факторы, существенно влияющие на последующие показания.

Для получения от свидетеля сведений, имеющих значение для дела, необходимо знать ресурсы человеческой психики, реальные возможности свидетеля как источника доказательства. Следует помнить, что главную роль в формировании показаний играют зрительные анализаторы, на долю которых обычно приходится около 80% всей получаемой человеком информации. Для правильной оценки информации, связанной с восприятием пространства, при оценке скорости движения, описании цвета адвокату необходимы знания оптических законов перспективы, контраста, последовательности зрительных ощущений, адаптации. Психологами доказано, что в темноте чувствительность глаза повышается значительно только через полчаса. Поэтому человек,

оказавшись после яркого освещения в темноте, через 3–5 мин начинает различать лишь контуры предметов, силуэты людей. Скорость адаптации зависит от степени предыдущего освещения. Если освещенность была умеренной, то адаптация завершается через 20 мин, если же яркой — в течение часа. Адаптация же к свету происходит значительно быстрее, примерно за 3–5 минут. Особенно следует помнить об этом при оценке показаний свидетелей об обстоятельствах ДТП, совершенных в темное время суток. Здесь следует учитывать и ослепление фарами, и резкое изменение освещенности разных отрезков дороги.

Таким образом, адаптация может отрицательно влиять на точность показаний свидетелей, в связи с чем при допросе необходимо выяснить условия, в которых происходило первичное формирование показаний, степень чувствительности и адаптации свидетеля.

Дело в том, что не каждый человек обладает зрением, равным единице, и абсолютным слухом. Это относится и к другим органам чувств. Поэтому верхний и нижний пороги чувствительности, а также пороги различения анализаторов индивидуальны. Так, некоторые люди могут ощущать воздействие очень слабых раздражителей, которые для других находятся за порогами чувствительности.

Показания свидетелей, страдающих дефектами зрения, слуха и др., могут иметь существенные пробелы и специфические особенности. Психическое отражение тех или иных предметов и явлений может быть неполным и неточным, если свидетель наблюдал ДТП в состоянии крайнего умственного и физического утомления, после выполнения тяжелой ответственной работы, бессонной ночи и т.п. Поэтому, как показывают исследования, наблюдательность в утренние часы бывает лучше, чем в вечерние или ночные. Большая потеря информации наблюдается у свидетелей, наблюдающих какое-то событие после ночной смены или дежурства. Здесь сказывается и нарушение сна. Психическая деятельность в этом случае снижена в результате плохой концентрации и низкой переключаемо внимания, общей заторможенности, вялой реакции даже на сильные раздражители, замедления мыслительной деятельности.

Еще более отрицательное влияние оказывает алкогольное опьянение. Физиологами установлено, что под влиянием алкоголя человек утрачивает точность и сложность в высшей нервной деятельности, адекватное соотношение возбуждения и торможения, являющееся основой правильного отношения к окружающему, резко нарушается, преобладает процесс возбуждения. Опьянение нередко бывает причиной ошибки и неточностей в показаниях о ДТП. Особенно осторожно нужно подходить к показаниям людей, страдающих алкоголизмом. Изменение психики, социальная деградация очень часто делают показания таких людей противоречивыми, непоследовательными, а в некоторых случаях получить от них достоверные показания вообще невозможно.

Нередко водитель воспринимает событие в условиях ограниченной видимости: в сумерки, ночное время, в туман, дождь, снегопад. Значительная часть транспортных преступлений совершается в вечернее и ночное время. Эти условия отрицательно сказываются на качестве показаний. Несмотря на способность органов чувств к адаптации эти возможности не безграничны.

Как показали психологические исследования, в ночное время резко падает способность правильно воспринимать и оценивать предметы, распознавать их свойства, уменьшается острота плоскостного и глубинного зрения, значительно сокращается, а нередко и полностью выпадает цветоразличение, ухудшается узнавание предметов, снижается ориентация в пространстве, повышается

утомляемость, появляются отрицательные эмоции -страх, тревожность, растерянность. Поэтому нужно особенно осторожно подходить к показаниям, основанным на восприятии в затруднительных условиях.

Адвокату важно помнить, что, поскольку человек не в состоянии воспринимать полностью всю информацию, поступающую из внешнего мира, в восприятии образуются пробелы. Они подчас заполняются не противоречащими наблюдению произвольно выбранными деталями. Из них составляются фрагменты в общей логической цепочке события, которая, однако не всегда совпадает с действительностью. Определенное искажение возможно даже тогда, когда свидетель вовсе не заинтересован в деле и не знаком с участниками преступления. Так, в результате возмущения, негодования по поводу совершения преступления складывается враждебное отношение свидетелей к обвиняемому, независимо от того, является ли он действительным или мнимым преступником. Некоторые свидетели, видя свой долг в том, чтобы разоблачить преступника, утрачивают объективность, происходит «глушение» части информации, противоречащей сложившимся предрассудкам.

Так, по одному из дел, рассмотренных народным судом Москвы, свидетели утверждали, что десятилетний мальчик, на которого был совершен наезд, медленным шагом переходил проезжую часть и был сбит очень быстро двигавшимся автомобилем. Все свидетели были пожилыми женщинами — соседками родителей пострадавшего от наезда мальчика. В ходе следствия и судебного разбирательства было установлено, что свидетели были возмущены фактом наезда и заведомо убеждены в виновности водителя. В действительности они, находясь довольно далеко от проезжей части, видели только, как мальчик медленно прошел мимо них и уже не обратили внимания, что перед проезжей частью он резко побежал и неожиданно выскочил из-за стоящих автомашин на путь следования автомобиля. Выяснилось также, что эти пожилые женщины не могут различать скорость у движущегося автомобиля. В данном случае искаженность и неполное восприятие ДТП восполнила убежденность в виновности водителя, совершившего наезд.

Сильным источником деформирующего воздействия являются разговоры между свидетелями. То, что общение свидетелей перед допросом влияет на правильность показаний, также доказано и изучено экспериментально. Опасность общения свидетелей во время их совместного ожидания при вызове на допрос приводит к тому, что свидетели «исправляют» свои правильные воспоминания, ориентируясь на мнение одного человека, который излагает свою точку зрения более уверенно и определенно. Причем, приняв таким образом точку зрения другого свидетеля, он приобретает большую уверенность в себе.

В процессе допроса происходит еще одно преобразование свидетельской информации — переход устного сообщения свидетеля в письменную речь, фиксируемую в протоколе. Причем этот преобразовательный процесс имеет свои особенности. Одна особенность заключается в том, что преобразование устной речи в письменную производится, как правило, не непосредственно рассказчиком (свидетелем), а опосредованно: устное сообщение допрашиваемого переосмысливается следователем, соотносится с информацией, полученной из других источников, вычленяются данные, относящиеся к делу, затем они излагаются в письменном виде в протоколе. Свидетельские показания, зафиксированные в протоколе, первоначально были адресованы лицу, производящему расследование. Поэтому опасность здесь заключается в том, что

следователь может недостаточно четко передавать в протоколе сообщения, хорошо понятные допрашиваемому и допрашивающему в живом диалогическом общении.

На практике нередко встречаются «стилизированные» протоколы, в которых все говорят одинаково. И инженер, и малолетний ребенок, и научный работник, судя по протоколам, свободно оперируют техническими понятиями, знакомыми только специалистам. Как видно, следователь непроизвольно вкладывает в их уста свою собственную, не свойственную самим свидетелям речь. Такое несоответствие дискредитирует материалы расследования, снижая их доказательственную ценность.

Распространено мнение, что более эффективным является допрос, произведенный после совершения преступления. Однако иногда такие показания отличаются логической непоследовательностью, фрагментарностью, неполнотой, противоречивостью. Подобная деформация материала может быть вызвана чрезмерным волнением свидетеля и связанным с этим торможением процессов памяти.

Совершение ДТП, как правило, связано со стрессовой ситуацией не только для участников, но и для всех очевидцев. Поэтому к их первым показаниям, особенно точности скоростей и расстояний, следует относиться с особой осторожностью.

Психологи и юристы неоднократно делали попытки экспериментально определить влияние временного интервала на полноту и достоверность свидетельской информации. Замечено, что материал, воспроизведенный на первом допросе, может накладываться на реальное восприятие и свидетель становится неспособным различить их. Следовательно, искажения, возникающие на ранней стадии следствия, могут повторяться в процессе дальнейших допросов; они довольно прочно связываются с материалом, который, как убежден свидетель, является частью его действительного восприятия.

В повторных показаниях свидетель зачастую воспроизводит не действительно наблюдавшиеся события, а повторяет свои сообщения, сделанные на первом допросе. В этом случае он добросовестно воспроизводит одни и те же фразы в тех же выражениях, в той же последовательности, на каждом допросе — одно и то же показание, в правильности которого он убежден. При этом свидетель старается припомнить не реальное событие, а содержание первых показаний. Нужно, однако, иметь в виду, что субъективное отношение свидетеля к сообщаемой информации далеко не всегда соответствует действительности и очень часто определяется свойствами личности (мнительностью, тревожностью, самоуверенностью, несамокритичностью).

Практике известно, что показания, точность которых казалась несомненной, впоследствии оказывались ошибочными. Ложная уверенность свидетеля бывает основана на добросовестном заблуждении, которое способно породить судебные ошибки.

Начальная стадия допроса имеет большое значение, поскольку в результате вырабатывается и оформляется определенный тип отношений, причем эти отношения не могут быть однозначными, в процессе допроса они изменяются. Если между допрашивающим и допрашиваемым будет установлен психологический контакт, то, с одной стороны, это позволит свидетелю получить больше информации о предмете допроса, но, с другой стороны, достигнутое таким образом «психологическое созвучие» может привести и к тому, что

свидетель, стремясь во что бы то ни стало дать желательный следователю ответ, будет восполнять пробелы в показаниях вымышленными фактами. Эти измышления могут быть порождены влиянием со стороны следователя.

Внушение имеет место тогда, когда лицо, дающее показание, безотчетно стремится приблизить свое показание к тому, что хотел бы слышать допрашивающий, независимо от того, выражено ли это желание явно или оно только кажется свидетелю. Внушение является результатом общения участников допроса не только путем прямого или косвенного указания либо подтверждения, но и постановки вопросов, наталкивающих на определенный, желаемый ответ.

При ответах точность показаний иногда снижается: уже сама постановка вопроса заставляет свидетеля решить его в определенном направлении и восполнить показания независимо от того, был ли этот вопрос освещен в свободном рассказе. Желание непременно дать ответ приводит нередко к появлению ошибок в процессе воспоминания и переработки воспринятого.

При осуществлении защиты по автотранспортным делам адвокату необходимы знания о современных научных достижениях в области психологии. Только в этом случае адвокат сможет надлежащим образом исполнить свои обязанности по защите по данной категории уголовных дел.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Принята Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г.
(Извлечение)

Статья 8

- (1) Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.
- (2) Задержание может быть обжаловано в судебном порядке.
- (3) Заключение под стражу и лишение свободы допускаются исключительно на основании судебного решения в порядке, предусмотренном законом.
- (4) Никто не может быть подвергнут пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без его добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.

Статья 9

- (1) Каждый имеет право на неприкосновенность его частной жизни, на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только в соответствии с законом на основании судебного решения.
- (2) Каждый имеет право на уважение и защиту его чести и достоинства.
- (3) Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются, за исключением случаев, указанных в законе.

Статья 11

- (1) Жилище неприкосновенно. Никто не имеет права проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц.
- (2) Обыск и иные действия, совершаемые с проникновением в жилище, допускаются на основании судебного решения. В случаях, не терпящих отлагательства, возможен иной, установленный законом порядок, предусматривающий обязательную последующую проверку судом законности этих действий.

Статья 32

Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Решения и деяния должностных лиц, государственных органов и общественных организаций, повлекшие за собой нарушение закона или превышение полномочий, а также ущемляющие права граждан, могут быть обжалованы в суд.

Статья 34

- (1) Каждый обвиняемый в уголовном преступлении считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором компетентного, независимого и беспристрастного суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.
- (2) Каждый осужденный за уголовное преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящей судебной инстанцией в порядке,

установленном законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания.

(3) Никто не должен дважды нести уголовную или иную ответственность за одно и то же правонарушение.

(4) Признаются не имеющими юридической силы доказательства, полученные с нарушением закона.

Статья 36

Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга или близких родственников, круг которых определяется законом. Законом могут устанавливаться и иные случаи освобождения от обязанности давать показания.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПАКТ О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ

(Извлечение)

Статья 2

1. Каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства.

2. Если это уже не предусмотрено существующими законодательными или другими мерами, каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется принять необходимые меры в соответствии со своими конституционными процедурами и положениями настоящего Пакта для принятия таких законодательных или других мер, которые могут оказаться необходимыми для осуществления прав, признаваемых в настоящем Пакте.

3. Каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется:

а) обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в настоящем Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве;

б) обеспечить, чтобы право на правовую защиту для любого лица, требующего такой защиты, устанавливалось компетентными судебными, административными или законодательными властями или любым другим компетентным органом, предусмотренным правовой системой государства, и развивать возможности судебной защиты;

с) обеспечить применение компетентными властями средств правовой защиты, когда они предоставляются.

Статья 7

Никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию. В частности, ни одно лицо не должно без его свободного согласия подвергаться медицинским или научным опытам.

Статья 9

1. Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом.

2. Каждому арестованному сообщаются при аресте причины его ареста и в срочном порядке сообщается любое представленное ему обвинение.

3. Каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, имеет

право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от предоставления гарантий явки в суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора.

4. Каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно.

5. Каждый, кто был жертвой незаконного ареста или содержания под стражей, имеет право на компенсацию, обладающую исковой силой.

Статья 10

1. Все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности.

2. а) Обвиняемые, в случаях, когда отсутствуют исключительные обстоятельства, помещаются отдельно от осуждённых, и им предоставляется отдельный режим, отвечающий их статусу неосуждённых лиц;

б) обвиняемые несовершеннолетние отделяются от совершеннолетних и в кратчайший срок доставляются в суд для вынесения решения.

3. Пенитенциарной системой предусматривается режим для заключённых, существенной целью которого является их исправление и социальное перевоспитание. Несовершеннолетние правонарушители отделяются от совершеннолетних, и им предоставляется режим, отвечающий их возрасту и правовому статусу.

Статья 11

Никто не может быть лишен свободы на том только основании, что он не в состоянии выполнить какое-либо договорное обязательство.

Статья 19

1. Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений.

2. Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору.

3. Пользование предусмотренными в пункте 2 настоящей статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми.

а) для уважения прав и репутации других лиц;

б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Статья 28

1. Образуется Комитет по правам человека (именуемый ниже в настоящем Пакте Комитет). Он состоит из восемнадцати членов и выполняет функции, предусматриваемые ниже.

2. В состав Комитета входят лица, являющиеся гражданами участвующих в настоящем Пакте государств и обладающие высокими нравственными качествами и признанной компетентностью в области прав человека, причем принимается во внимание полезность участия нескольких лиц, обладающих юридическим опытом.

3. Члены Комитета избираются и работают в личном качестве.

Статья 40

1. Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются представлять доклады о принятых ими мерах по претворению в жизнь прав, признаваемых в настоящем Пакте, и о прогрессе, достигнутом в использовании этих прав:

а) в течение одного года после вступления в силу настоящего Пакта в отношении соответствующих государств-участников;

б) после этого во всех случаях, когда того потребует Комитет.

2. Все доклады представляются Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, который направляет их в Комитет для рассмотрения. В докладе указываются факторы и затруднения, если таковые имеются, влияющие на проведение в жизнь настоящего Пакта.

3. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций после консультаций с Комитетом может направить заинтересованным специализированным учреждениям экземпляры тех частей докладов, которые могут относиться к сфере их компетенции.

4. Комитет изучает доклады, представляемые участвующими в настоящем Пакте государствами. Он препровождает государствам-участникам свои доклады и такие замечания общего порядка, которые он сочтет целесообразными. Комитет может также препроводить Экономическому и Социальному Совету эти замечания вместе с экземплярами докладов, полученных им от участвующих в настоящем Пакте государств.

5. Участвующие в настоящем Пакте государства могут представлять Комитету свои соображения по любым замечаниям, которые могут быть сделаны в соответствии с пунктом 4 настоящей статьи.

ФАКУЛЬТАТИВНЫЙ ПРОТОКОЛ

Статья 1

Государство — участник Пакта, которое становится участником настоящего Протокола, признает компетенцию настоящего Протокола, признает компетенцию Комитета принимать и рассматривать сообщения от подлежащих его юрисдикции лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения данным государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Пакте. Ни одно сообщение не принимается Комитетом, если оно касается государства — участника Пакта, которое не является участником настоящего Протокола.

Статья 2

При условии соблюдения положений статьи 1 лица, которые утверждают, что какое-либо из их прав, перечисленных в Пакте, было нарушено, и которые исчерпали все имеющиеся внутренние средства правовой защиты, могут представить на рассмотрение Комитета письменное сообщение.

Статья 3

Комитет может признать неприемлемым любое представленное в соответствии с настоящим Протоколом сообщение, которое является анонимным или которое, по его мнению, представляет собой злоупотребление правом на представление таких сообщений или несовместимо с положениями Пакта,

Статья 4

1. При условии соблюдения положений статьи 3 Комитет доводит любое представленное ему согласно настоящему Протоколу сообщение до сведения участвующего в настоящем Протоколе государства, которое, как утверждается, нарушает какое-либо из положений Пакта.

2. Получившее уведомление государство представляет в течение шести месяцев Комитету письменные объяснения или заявления, разъясняющие этот вопрос, и любые меры, если таковые имели место, которые могли быть приняты этим государством.

Статья 5

1. Комитет рассматривает полученные в соответствии с настоящим Протоколом сообщения с учетом всех письменных данных, представленных ему отдельным лицом и заинтересованным государством-участником.

2. Комитет не рассматривает никаких сообщений от лиц, пока не удостоверится в том, что:

а) этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования;

б) данное лицо исчерпало все доступные внутренние средства правовой защиты. Это правило не действует в тех случаях, когда применение таких средств неоправданно затягивается.

3. При рассмотрении сообщений, предусматриваемых настоящим Протоколом, Комитет проводит закрытые заседания.

4. Комитет сообщает свои соображения соответствующему государству-участнику и лицу.

Статья 6

Комитет включает в свой ежегодный доклад, предусмотренный статьей 45 Пакта, краткий отчет о своей деятельности в соответствии с настоящим Протоколом.

**КОНВЕНЦИЯ
ПРОТИВ ПЫТОК И ДРУГИХ ЖЕСТОКИХ,
БЕСЧЕЛОВЕЧНЫХ ИЛИ УНИЖАЮЩИХ ДОСТОИНСТВО
ВИДОВ ОБРАЩЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ**

10 декабря 1984 г.
(Извлечение)

Государства-участники настоящей Конвенции,
принимая во внимание, что в соответствии с принципами, провозглашенными в Уставе Организации Объединенных Наций, признание равных и неотъемлемых прав всех членов человеческой семьи является основой свободы, справедливости и всеобщего мира,
признавая, что эти права вытекают из достоинства, присущего человеческой личности,
принимая во внимание обязательство государств в соответствии с Уставом, в частности со статьей 55, содействовать всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод,
учитывая статью 5 Всеобщей декларации прав человека и статью 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, обе из которых предусматривают, что никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию,
учитывая также Декларацию о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятую Генеральной Ассамблеей 9 декабря 1975 года,
желая повысить эффективность борьбы против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания во всем мире,
согласились о нижеследующем:

**ЧАСТЬ I
Статья 1**

1. Для целей настоящей Конвенции определение «пытка» означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включается боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно.

2. Эта статья не наносит ущерба какому-либо международному договору или какому-либо национальному законодательству, которое содержит или может содержать положения о более широком применении.

Статья 2

1. Каждое Государство-участник предпринимает эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией.

2. Никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войн, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток.

3. Приказ вышестоящего начальника или государственной власти не может служить оправданием пыток.

Статья 3

1. Ни одно Государство-участник не должно высылать, возвращать «refouler» или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток.

2. Для определения наличия таких оснований компетентные власти принимают во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая, в соответствующих случаях, существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека.

Статья 4

1. Каждое Государство-участник обеспечивает, чтобы все акты пыток рассматривались в соответствии с его уголовным законодательством. То же относится к попытке подвергнуть пытке и к действиям любого лица, представляющим собой соучастие или участие в пытке.

2. Каждое Государство-участник устанавливает соответствующие наказания за такие преступления с учетом их тяжкого характера.

Статья 5

1. Каждое Государство-участник принимает такие меры, какие могут оказаться необходимыми для установления его юрисдикции в отношении преступлений, указанных в статье 4, в следующих случаях:

а) когда преступления совершены на любой территории, находящейся под его юрисдикцией, или на борту морского или воздушного судна, зарегистрированного в данном Государстве;

б) когда предполагаемый преступник является гражданином данного Государства;

с) когда жертва является гражданином данного Государства и если данное Государство считает это целесообразным.

2. Каждое Государство-участник аналогичным образом принимает такие меры, которые могут оказаться необходимыми, чтобы установить свою юрисдикцию в отношении таких преступлений в случаях, когда предполагаемый преступник находится на любой территории под его юрисдикцией и оно не выдает его в соответствии со статьей 8 любому из государств, упомянутых в пункте 1 настоящей статьи.

3. Настоящая Конвенция не исключает осуществление любой уголовной юрисдикции в соответствии с внутренним законодательством.

Статья 6

1. Убедившись после рассмотрения имеющейся в его распоряжении информации, что обстоятельства того требуют, любое Государство-участник, на

территории которого находится лицо, обвиняемое в совершении любого из преступлений, указанных в статье 4, заключает его под стражу или принимает другие юридические меры, обеспечивающие его присутствие. Заключение под стражу и другие такие юридические меры осуществляются в соответствии с законодательством данного Государства, но могут продолжаться только в течение времени, необходимого для того, чтобы предпринять уголовно-процессуальные действия или действия по выдаче.

2. Такое Государство немедленно производит предварительное расследование фактов.

3. Любому лицу, находящемуся под стражей на основании пункта 1 настоящей статьи, оказывается содействие в немедленном установлении контакта с ближайшим соответствующим представителем Государства, гражданином которого оно является, или, если оно является лицом без гражданства, с представителем того Государства, где оно обычно проживает.

4. Когда государство в соответствии с настоящей статьей заключает какое-либо лицо под стражу, оно немедленно уведомляет государства, упомянутые в пункте 1 статьи 5, о факте нахождения такого лица под стражей и об обстоятельствах, послуживших основанием для его задержания. Государство, проводящее предварительное расследование, предусмотренное в пункте 2 настоящей статьи, незамедлительно сообщает о полученных им данных вышеупомянутым государством и указывает, намерено ли оно осуществить свою юрисдикцию.

Статья 7

1. Государство-участник, на территории которого, находящейся под его юрисдикцией, обнаружено лицо, подозреваемое в совершении любого из преступлений, указанных в статье 4, в случаях, предусмотренных в статье 5, если оно не выдает преступника, передает данное дело своим компетентным властям для судебного преследования.

2. Эти власти принимают решения таким же образом, как и в случае любого обычного преступления серьезного характера в соответствии с законодательством этого Государства. В случаях, перечисленных в пункте 2 статьи 5, требования, предъявляемые к доказательствам, необходимым для судебного преследования и осуждения, ни в коем случае не являются менее строгими, чем те, которые применяются в случаях, указанных в пункте 1 статьи 5.

3. Любому лицу, в отношении которого осуществляется разбирательство в связи с любым из преступлений, указанных в статье 4, гарантируется справедливое обращение на всех стадиях разбирательства.

Статья 8

1. Преступления, указанные в статье 4, считаются подлежащими включению в качестве преступлений, влекущих выдачу, в любой договор о выдаче, существующий между государствами-участниками. Государства-участники обязуются включать такие преступления в качестве преступлений, влекущих выдачу, в любой договор о выдаче, заключаемый между ними.

2. Если Государство-участник, которое обуславливает выдачу наличием договора, получает просьбу о выдаче от другого Государства-участника, с которым оно не имеет договора о выдаче, оно может рассматривать настоящую Конвенцию в отношении таких преступлений в качестве правового основания

для выдачи. Выдача осуществляется в соответствии с другими условиями, предусмотренными законодательством Государства, к которому обращена просьба о выдаче.

3. Государства-участники, не обуславливающие выдачу наличием договора, рассматривают в отношении между собой такие преступления в качестве преступлений, влекущих выдачу в соответствии с условиями, предусмотренными законодательством Государства, к которому обращена просьба о выдаче.

4. Такие преступления для целей выдачи между государствами-участниками рассматриваются, как если бы они были совершены не только в месте их совершения, но также и на территории государств, которые обязаны установить свою юрисдикцию в соответствии с пунктом 1 статьи 5.

Статья 9

1. Государства-участники оказывают друг другу наиболее полную помощь в связи с уголовно-процессуальными действиями предпринятыми в отношении любого из преступлений, перечисленных в статье 4, включая предоставление всех имеющихся в их распоряжении доказательств, необходимых для судебного разбирательства.

2. Государства-участники выполняют свои обязательства согласно пункту 1 настоящей статьи в соответствии с любыми договорами о взаимной правовой помощи, которые могут быть заключены между ними.

Статья 10

1. Каждое Государство-участник обеспечивает, чтобы учебные материалы и информация относительно запрещения пыток в полной мере включались в программу подготовки персонала право-применительных органов, гражданского или военного, медицинского персонала, государственных должностных лиц и других лиц, которые могут иметь отношение к содержанию под стражей и допросам лиц, подвергнутых любой форме ареста, задержания или тюремного заключения, или обращению с ними.

2. Каждое Государство-участник включает это запрещение в правила или инструкции, касающиеся обязанностей и функций любых таких лиц.

Статья 11

Каждое Государство-участник систематически рассматривает правила, инструкции, методы и практику, касающиеся допроса, а также условия содержания под стражей и обращения с лицами, подвергнутыми любой форме ареста, задержания или тюремного заключения на любой территории, находящейся под его юрисдикцией, с тем чтобы не допускать каких-либо случаев пыток.

Статья 12

Каждое Государство-участник обеспечивает, чтобы его компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что пытка была применена на любой территории, находящейся под его юрисдикцией.

Статья 13

Каждое Государство-участник обеспечивает любому лицу, которое утверждает, что оно было подвергнуто пыткам на любой территории, находящейся под юрисдикцией этого Государства, право на предъявление

жалобы компетентным властям этого Государства и на быстрое и беспристрастное рассмотрение ими такой жалобы. Предпринимаются меры для обеспечения защиты истца и свидетелей от любых форм плохого обращения или запугивания в связи с его жалобой или любыми свидетельскими показаниями.

Статья 14

1. Каждое Государство-участник обеспечивает в своей правовой системе, чтобы жертва пыток получала возмещение и имела подкрепляемое правовой санкцией право на справедливую и адекватную компенсацию, включая средства для возможно более полной реабилитации. В случае смерти жертвы в результате пытки право на компенсацию предоставляется его иждивенцам.

2. Ничто в настоящей статье не затрагивает любого права жертвы или других лиц на компенсацию, которое может существовать согласно национальному законодательству.

Статья 15

Каждое Государство-участник обеспечивает, чтобы любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой, не использовалось в качестве доказательства в ходе любого судебного разбирательства, за исключением случаев, когда оно используется против лица, обвиняемого в совершении пыток, как доказательство того, что это заявление было сделано.

Статья 16

1. Каждое Государство-участник обязуется предотвращать на любой территории, находящейся под его юрисдикцией, другие акты жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, которые не попадают под определение пытки, содержащиеся в статье 1, когда такие акты совершаются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В частности, обязательства, содержащиеся в статьях 10, 11, 12 и 13, применяются с заменой упоминаний о пытке упоминаниями о других формах жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания.

2. Положения настоящей Конвенции не наносят ущерба положениям любых других международных договоров или национального законодательства, которые запрещают жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание или касаются выдачи или высылки.

ЧАСТЬ II

Статья 17

1. Создается Комитет против пыток (именуемый далее Комитетом), который осуществляет функции, предусмотренные ниже. Комитет состоит из десяти экспертов, обладающих высокими моральными качествами и признанной компетентностью в области прав человека и выступающих в личном качестве. Эксперты избираются государствами-участниками, при этом внимание уделяется справедливому географическому распределению и целесообразности участия нескольких лиц, имеющих юридический опыт.

2. Члены Комитета избираются тайным голосованием из числа внесенных в список лиц, выдвинутых государствами-участниками. Каждое Государство-участник может выдвинуть одну кандидатуру из числа своих граждан.

Государства-участники учитывают целесообразность выдвижения лиц, которые являются также членами Комитета по правам человека, учрежденного в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах, и которые изъявляют желание работать в Комитете против пыток.

3. Выборы членов Комитета проводятся на совещаниях государств-участников, созываемых Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций раз в два года. На этих совещаниях, кворум которых составляет две трети государств-участников, избранными в Комитет членами являются кандидаты, получившие наибольшее число голосов и абсолютное число голосов присутствующих и участвующих в голосовании представителей государств — участников Конвенции.

4. Первоначальные выборы проводятся не позднее чем через шесть месяцев с даты вступления в силу настоящей Конвенции. По крайней мере за четыре месяца до даты очередных выборов Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций направляет Государствам-участникам письмо с предложением представить их кандидатуры в трехмесячный срок. Генеральный секретарь готовит список, в который в алфавитном порядке вносятся все выдвинутые таким образом лица с указанием государств-участников, которые выдвинули их, и представляет этот список Государствам-участникам.

5. Члены Комитета избираются сроком на четыре года. Они имеют право на переизбрание при повторном выдвижении. Однако срок полномочий пяти членов, избранных на первых выборах, истекает в конце двухлетнего периода; сразу же после первых выборов имена этих пяти членов определяются по жребию председателем совещания, о котором говорится в пункте 3 настоящей статьи.

6. В случае смерти или ухода в отставку члена комитета или невозможности выполнения им по каким-либо иным причинам функций в Комитете предложившее его кандидатуру Государство-участник назначает другого эксперта из числа своих граждан на оставшийся срок с одобрения большинства государств-участников. Кандидатура считается одобренной, если половина или более государств-участников не ответили отрицательно в течение шести недель после получения информации от Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о предлагаемом назначении.

7. Государства-участники берут на себя покрытие расходов членов Комитета в период выполнения ими обязанностей в Комитете.

Статья 18

1. Комитет избирает своих должностных лиц сроком на два года. Они могут быть переизбраны.

2. Комитет устанавливает свои собственные правила процедуры, однако в этих правилах, в частности, должно быть предусмотрено следующее:

а) шесть членов образуют кворум;

б) решения Комитета принимаются большинством голосов присутствующих членов.

3. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций обеспечивает необходимый персонал и условия для эффективного осуществления функций Комитета в соответствии с настоящей Конвенцией.

4. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций созывает первое совещание Комитета. После первого совещания Комитет собирается через

такие промежутки времени, которые предусматриваются его правилами процедуры.

5. Государства-участники берут на себя покрытие расходов, возникающих в связи с проведением совещаний государств-участников и Комитета, включая возмещение Организации Объединенных Наций любых расходов, таких как оплата персонала и условий, обеспечиваемых Организацией Объединенных Наций в соответствии с пунктом 3 настоящей статьи.

Статья 19

1. Государства-участники представляют Комитету через Генерального секретаря Организации Объединенных Наций доклады о принятых ими мерах по осуществлению их обязательств согласно настоящей Конвенции в течение одного года после вступления настоящей Конвенции в силу для соответствующего Государства-участника. В дальнейшем Государства-участники представляют раз в четыре года дополнительные доклады о любых новых принятых мерах, а также другие доклады, которые может запросить Комитет.

2. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций направляет эти доклады всем Государствам-участникам.

3. Каждый доклад рассматривается Комитетом, который может сделать такие замечания общего порядка по докладу, которые он сочтет целесообразными, и направляет их соответствующему Государству-участнику. Данное Государство-участник может в ответ представить Комитету любые замечания, которые оно считает уместными.

4. Комитет по своему усмотрению может решить включить любые замечания, сделанные им в соответствии с пунктом 3 настоящей статьи, вместе с замечаниями по ним, полученными от соответствующего Государства-участника, в свой годовой доклад, подготавливаемый в соответствии со статьей 24. По просьбе соответствующего Государства-участника Комитет может также включить экземпляр доклада, представленного в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи.

Статья 20

1. Если Комитет получает достоверную информацию, которая, по его мнению, содержит вполне обоснованные данные о систематическом применении пыток на территории какого-либо Государства-участника, то он предлагает этому Государству-участнику сотрудничать в рассмотрении этой информации и с этой целью представить свои замечания в отношении данной информации.

2. С учетом любых замечаний, которые могут быть представлены соответствующим Государством-участником, а также любой другой относящейся к делу информации, имеющейся в его распоряжении, Комитет может, если он считает это целесообразным, назначить одного или нескольких своих членов для проведения конфиденциального расследования и срочного представления Комитету соответствующего доклада.

3. Если в соответствии с пунктом 2 настоящей статьи проводится расследование, Комитет стремится наладить сотрудничество с соответствующим Государством-участником. С согласия этого Государства-участника такое расследование может включать посещение его территории.

4. После рассмотрения результатов проведенного этим членом или членами расследования, представленных в соответствии с пунктом 2 настоящей статьи, Комитет направляет соответствующему Государству-участнику эти

результаты вместе с любыми замечаниями или предложениями, которые представляются целесообразными в данной ситуации.

5. Вся работа Комитета, упомянутая в пунктах 1–4 настоящей статьи, носит конфиденциальный характер, и на всех этапах этой работы следует стремиться к сотрудничеству с Государством-участником. После завершения такой работы в отношении расследования, проведенного в соответствии с пунктом 2, Комитет может после консультаций с соответствующим Государством-участником принять решение о включении краткого отчета о результатах этой работы в свой ежегодный доклад, подготавливаемый в соответствии со статьей 24.

Статья 21

1. В соответствии с настоящей статьей любое Государство-участник настоящей Конвенции сможет в любое время заявить, что оно признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения, касающиеся заявлений одного Государства-участника о том, что другое Государство-участник не выполняет своих обязательств по настоящей Конвенции. Такие сообщения могут приниматься и рассматриваться в соответствии с процедурами, изложенными в настоящей статье, только в случае, если они представлены Государством-участником, сделавшим заявление о признании в отношении себя компетенции Комитета. Комитет не рассматривает сообщений по настоящей статье, если они касаются Государства-участника, не сделавшего такого заявления. Сообщения, полученные согласно настоящей статье, рассматриваются в соответствии со следующей процедурой:

a) если какое-либо Государство-участник считает, что другое Государство-участник не выполняет положений настоящей Конвенции, то оно может письменным сообщением довести этот вопрос до сведения указанного Государства-участника. В течение трех месяцев после получения этого сообщения получившее его Государство представляет в письменной форме посланному такое заявление с разъяснением по этому вопросу, где должно содержаться, насколько это возможно и целесообразно, указание на внутренние процедуры и меры, которые были приняты, будут приняты или могут быть приняты по данному вопросу;

b) если вопрос не решен к удовлетворению обоих соответствующих государств-участников в течение шести месяцев после получения получающим Государством первоначального сообщения, любое из этих государств имеет право передать этот вопрос в Комитет, уведомив об этом Комитет и другое государство;

c) Комитет рассматривает вопрос, переданный ему согласно настоящей статье, только после того, как он удостоверится, что все доступные внутренние меры были применены и исчерпаны в данном случае в соответствии с общепризнанными принципами международного права. Это правило не действует в тех случаях, когда применение этих мер неоправданно затягивается или вряд ли окажет эффективную помощь лицу, являющемуся жертвой нарушения настоящей Конвенции;

d) при рассмотрении сообщений по настоящей статье Комитет проводит закрытые заседания;

e) с соблюдением положений подпункта с Комитет оказывает добрые услуги соответствующим Государствам-участникам в целях дружественного

разрешения вопроса на основе уважения обязательств, предусмотренных в настоящей Конвенции. С этой целью Комитет может при необходимости учредить специальную согласительную комиссию;

f) по любому переданному ему в соответствии с настоящей статьей вопросу Комитет может признать соответствующие Государства-участники, упомянутые в подпункте *b*, представить любую относящуюся к делу информацию;

g) соответствующие Государства-участники, упомянутые в подпункте *b*, имеют право быть представленными при рассмотрении вопроса в Комитете и делать представления устно и/или письменно;

h) Комитет в течение двенадцати месяцев со дня получения уведомления в соответствии с подпунктом *b* представляет сообщение;

i) если достигается решение в рамках положений подпункта *e*, то Комитет ограничивается в своем сообщении кратким изложением фактов и достигнутого решения;

ii) если решение в рамках положений подпункта *e* не достигнуто, то Комитет ограничивается в своем сообщении кратким изложением фактов; письменные представления и запись устных заявлений, представленных соответствующими государствами-участниками, прилагаются к сообщению.

По каждому вопросу сообщение направляется соответствующим Государствам-участникам.

2. Положения настоящей статьи вступают в силу, когда пять государств-участников настоящей Конвенции сделают заявления в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи. Такие заявления сдаются государствами-участниками на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, который препровождает их экземпляры остальным Государствам-участникам. Заявление может быть в любое время отозвано посредством уведомления на имя Генерального секретаря. Такой отзыв заявления не должен наносить ущерба рассмотрению любого вопроса, являющегося предметом сообщения, уже переданного в соответствии с настоящей статьей; никакие последующие сообщения любого Государства-участника не принимаются в соответствии с настоящей статьей после получения Генеральным секретарем уведомления об отзыве заявления, если соответствующее Государство-участник не сделало нового заявления.

Статья 22

1. Государство-участник настоящей Конвенции может в любое время заявить в соответствии с настоящей статьей, что оно признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения Государством-участником положений Конвенции, или сообщения такого рода, поступающие от их имени. Комитет не принимает никаких сообщений, если они относятся к Государству-участнику, которое не сделало такого заявления.

2. Комитет считает неприемлемым любое сообщение согласно настоящей статье, которое является анонимным или, по его мнению, представляет собой злоупотребление правом на представление таких сообщений, или несовместимо с положениями настоящей Конвенции.

3. С учетом положений пункта 2 Комитет доводит любое сообщение, представленное ему в соответствии с настоящей статьей, до сведения

Государства-участника настоящей Конвенции, которое сделало заявление согласно пункту 1 и которое якобы нарушает те или иные положения Конвенции. В течение шести месяцев получившее сообщение Государство представляет Комитету письменные объяснения или заявления, уточняющие вопрос и любые меры, которые могли быть приняты этим Государством.

4. Комитет рассматривает полученные в соответствии с настоящей статьей сообщения в свете своей информации, представленной ему данным лицом или от его имени и соответствующим Государством-участником.

5. Комитет не рассматривает никаких сообщений от какого-либо лица согласно настоящей статье, если он не убедится, что:

a) этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования;

b) данное лицо исчерпало все имеющиеся внутренние меры правовой защиты; это правило не действует в тех случаях, когда применение этих мер неоправданно затягивается или вряд ли окажет эффективную помощь лицу, являющемуся жертвой нарушения настоящей Конвенции.

6. При рассмотрении сообщений по настоящей статье Комитет проводит закрытые заседания.

7. Комитет представляет свои мнения соответствующему Государству-участнику и данному лицу.

8. Положения настоящей статьи вступают в силу, когда пять государств-участников настоящей Конвенции сделают заявления в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи. Такие заявления сдаются государствами-участниками на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, который препровождает их экземпляры остальным Государствам-участникам. Заявление может быть в любое время отозвано посредством уведомления на имя Генерального секретаря. Такой отзыв заявления не должен наносить ущерба рассмотрению любого вопроса, являющегося предметом сообщения, уже переданного в соответствии с настоящей статьей; никакие последующие сообщения, направляемые любым лицом или от его имени, не принимаются в соответствии с настоящей статьей после получения Генеральным секретарем уведомления об отзыве заявления, если соответствующее Государство-участник не сделало нового заявления.

Статья 33

1. Настоящая Конвенция, английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский тексты которой являются равно аутентичными, сдается на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

2. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций направляет заверенные экземпляры настоящей Конвенции всем государствам.

Конвенция ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР со следующими оговорками:

«Союз Советских Социалистических Республик не признает компетенцию Комитета против пыток, определенную статьей 20 Конвенции»;

«Союз Советских Социалистических Республик не считает себя связанным положениями пункта 1 статьи 30 Конвенции».

Ведомости Верховного Совета СССР. — 1987. — № 45 (2431). — Ст. 747.

КОДЕКС ПОВЕДЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ ПРАВОПОРЯДКА

17 декабря 1979 г.

Генеральная Ассамблея, учитывая, что цели, провозглашенные в Уставе Организации Объединенных Наций, включают осуществление международного сотрудничества в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии,

ссылаясь, в частности, на Всеобщую декларацию прав человека и Международные пакты о правах человека, ссылаясь также на Декларацию о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятую Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 3452 (XXX) от 9 декабря 1975 года,

принимая во внимание, что характер функций по поддержанию правопорядка, в защиту общественного порядка и то, каким образом они осуществляются, оказывают непосредственное воздействие на качество жизни отдельных лиц, а также всего общества в целом,

сознавая важность задачи, которую добросовестно и с достоинством осуществляют должностные лица по поддержанию правопорядка в соответствии с принципами прав человека,

памятуя, однако, о возможных злоупотреблениях, которые связаны с осуществлением этих обязанностей,

признавая, что введение Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка является лишь одной из нескольких важных мер по предоставлению гражданам, обслуживаемым должностными лицами по поддержанию правопорядка, защиты их прав и интересов,

сознавая, что существуют дополнительные важные принципы и предпосылки гуманного осуществления функций по поддержанию правопорядка, а именно, что:

а) как и все другие учреждения системы уголовного правосудия, каждый орган охраны порядка должен представлять общественность в целом, нести перед ней ответственность и быть ей подотчетным,

б) эффективное поддержание этических норм среди должностных лиц по поддержанию правопорядка зависит от существования хорошо продуманной, повсеместно принятой и гуманной системы законов,

с) каждое должностное лицо по поддержанию правопорядка является частью системы уголовного правосудия, цель которой состоит в предотвращении преступности и борьбы с ней, и что поведение каждого должностного лица этой системы оказывает воздействие на всю систему,

д) от каждого органа по охране порядка в соответствии с основной предпосылкой любой профессии необходимо требовать осуществления самоконтроля в полном соответствии с принципами и нормами, изложенными в настоящем документе, и что действия должностных лиц по поддержанию правопорядка должны подвергаться тщательной проверке со стороны общественности, которая может осуществляться либо советом, министерством, прокуратурой, судом, омбудсменом, комитетом граждан, либо любым сочетанием этих органов или любым другим органом по надзору,

е) нормы, как таковые, не будут иметь практической ценности до тех пор, пока их содержание и значение посредством обучения и подготовки и путем осуществления контроля не станут частью кредо каждого должностного лица по поддержанию правопорядка,

принимает содержащийся в приложении к настоящей резолюции Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка и постановляет препроводить его правительствам с рекомендацией положительно рассмотреть вопрос о его использовании в рамках национального законодательства или практики в качестве свода принципов, которые должны соблюдаться должностными лицами по поддержанию правопорядка.

ОБ АВТОРЕ

Книга известного московского адвоката Петра Баренбойма зародилась еще во второй половине 80-х годов, когда он, будучи руководителем Общественного Института судебной защиты при Президиуме Московской городской коллегии адвокатов, начал активно внедрять психологическую экспертизу в практику автотранспортных дел. Тогда же вместе с безвременно ушедшим адвокатом Генрихом Рубежовым он провел с привлечением психологов исследование полноты и качества судебного протокола. В результате выяснилось, что самый лучший секретарь судебного заседания в состоянии точно воспроизвести только 50% информации из устных показаний, звучащих в суде. Это по сравнению с США, где уже многие десятилетия показания фиксируют сразу два стенографиста, а к концу каждого судебного дня участники процесса могут получить полный текст расшифрованной стенограммы.

В коллегии адвокатов помнят вышедшее в 1988 году методическое пособие «Применение адвокатами психологических знаний», подготовленное П. Баренбоймом.

Данное издание особенно интересно тем, что из пособия для адвокатов эта книжка переработана так, что может быть полезна и рядовым гражданам для их самозащиты от произвола властей, с которым время от времени еще приходится встречаться.

Георгий Воскресенский,

*Президент Международного Союза (Содружества) адвокатов СНГ,
Заслуженный юрист Российской Федерации*